

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

НИКИТА АВЕРИН
КРЫМ-3

 FUTURE CORP.

Метро

Никита Аверин

**Метро 2033: Крым-3.
Пепел империй**

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Аверин Н.

Метро 2033: Крым-3. Пепел империй / Н. Аверин — «АСТ»,
2015 — (Метро)

ISBN 978-5-17-091668-9

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033» – серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Они были последней надеждой на возрождение цивилизации. Но теперь их клан практически уничтожен, и все они находятся вне закона. Что делать, когда на одной чаше весов оказываются честь, долг и гуманизм, а на другой твоя собственная жизнь? Ответ прост: живи дальше. Собери оставшиеся силы и отправляйся в долгое и полное опасностей путешествие по ядерным пустошам. Или вернись домой и попытайся отомстить за свой клан. А лучше сделай и то, и другое. Ведь если боги забыли о нас, то, значит, пришла пора нам самим вершить свою собственную судьбу. Воздвигнуть новый мир на пепле империй.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091668-9

© Аверин Н., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

А все-таки они заканчиваются	7
Пролог	8
Интерлюдия 1	23
Глава 1	26
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Никита Аверин

Метро 2033: Крым-3. Пепел империй

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Д.А. Глуховский, 2015

© Н.В. Аверин, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

А все-таки они заканчиваются

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Привет, выжившие!

Когда вы будете читать эту записку, то, вероятно, уже проглотите залпом (или будете не спеша смаковать) роман Дмитрия Глуховского «Метро 2035». Книгу, которую все мы ждали так долго. Книгу, которая, наверняка, кого-то возмутит, кого-то ужаснет, кого-то заставит совершенно по-новому взглянуть на постъядерную Москву и вообще «Вселенную», а быть может, и на всю свою жизнь.

Книгу, в которой завершается непростой путь простого парня со станции ВДНХ по имени Артём. Раскрываются многие тайны. Расставляются множество точек над «i» и еще больше – многоточий.

Будет ли когда-нибудь написано «Метро 2036»? Разумеется, сказать сейчас твердое «нет» (равно как и твердое «да») вряд ли способен и сам автор. Лично я – не уверен. И вовсе не потому, что сомневаюсь в возможностях Дмитрия добавить что-то новое к своей саге или боюсь, что он испортит действительно сильное послевкусие от непростого романа. Мне было бы очень интересно, как сам создатель «Вселенной» видит ее дальше. Там, за МКАДом, где, как оказалось, жизнь не только есть – ее едва ли не побольше, чем в радиактивных руинах Москвы. И все-таки хочется, чтобы эта история, буде она действительно написана, рассказывала уже о других героях.

Вовремя остановиться – немалое искусство. Для писателя же, особенно популярного, – так и вовсе почти неопределимое. Если представить себе, что в конце каждой книги, входящей в некий цикл, стоит этакая дверь, то очень важно побороть искушение не раскрывать ее, чтобы дойти до следующей двери только лишь потому, что ты способен это сделать. Не поддаваться на уговоры читателей, издателей и собственного внутреннего голоса, убеждающего тебя, что «раз все хотят, да и ты, кажется, не против, то...». Закрыть эту дверь на прочный замок точки (да и многоточия тоже, при всей своей недосказанности и вариативности того, что будет там, по другую сторону от этого знака неопределенности) и открыть совершенно иную.

Окончание цикла, финал большой истории – это всегда радость пополам с грустью как для автора, так и для читателя. А для автора вдобавок – еще и немалая ответственность. Ведь именно от финального тома – и тут совершенно неважно, какой у него порядковый номер, – во многом зависит общее впечатление от всего корпуса входящих в цикл произведений. Неудачный десерт, право же, вполне способен испортить даже самое роскошное пиршество.

Как бы там ни было, еще одна авторская трилогия в рамках серии «Вселенная Метро 2033» закончена. Разумеется, хорош ли ее финальный роман и весь цикл «Крым» Никиты Аверина – решать вам, читатели. Кто-то скажет «да», кто-то, увы, «нет», и это совершенно нормально. Главное, что вам по-прежнему не все равно, и вы ждете новых книг: окончания старых историй и начала новых.

В конце концов, Анджей Сапковский абсолютно прав: что-то кончается, что-то начинается.

Так уж устроен мир.

Пролог

Надо было жить.

Бандеролька повторяла себе это снова и снова, день за днем решая бытовые проблемы уцелевших листонош: где достать пропитание (повариха Раиса Петровна, конечно, унесла из разрушенной Цитадели много всего, но этого категорически не хватало, как не хватало и запасов Олега Игоревича), как утешить скорбящих и успокоить паникеров, как разместить, как... Она крутилась, словно белка в колесе, и была этому рада – так собственное, личное горе отступало, и боль от потери Пошты, постоянный безмолвный спутник, пряталась на дне сердца.

Хорошо, что рядом были друзья и соратники, но ночью, оставшись наедине с мыслями, Бандеролька никак не могла заплакать: стискивало горло, и рвались наружу не тихие слезы прощания – вопли раненого зверя, утратившего самое дорогое.

Перегруженный паром медленно двигался против течения Днепра. Стояло раннее утро, и над бесконечными зарослями тростника по левую руку стелился туман. Вот показался первый луч солнца – и включился птичий гомон, многоголосый, радостный. Чернокрылая стая взвилась над зеленым растительным морем.

– Красиво, – сказала стоявшая на носу Бандеролька капитану Олегу Игоревичу.

Мохнатая собака, похожая на помесь медведя с крокодилом, сидевшая у ног капитана, кивнула.

– Но опасно, – заметил капитан и, не наклоняясь, потрепал собаку за коротким ухом, – в тростниках всякое живет. Там сплошные протоки, болотца, и водится... разное. Поэтому жители Острога обороняются, как могут. Им пригодятся новые руки. Тем более, вам, листоношам, не обязательно носить защитные костюмы.

– Может, они нам завидовали? Наши враги? Не могли же они, в самом деле, не понимать, кто мы и что хотим сделать. За что с нами так?

Олег Игоревич положил девушке руку на плечо.

– Вы разберетесь, я верю в вас. Вы найдете врага и справитесь. И выполните свою миссию.

– Все наши наработки, исследования... Хорошо, что спасли архив. Но его нужно разбирать, а рук не хватает.

– Отставить жаловаться, глава клана! – Собака согласно чихнула. – Вон, смотри, Острог.

Справа и спереди из зелени тростника и деревьев вставали бревенчатые стены крепости.

* * *

Чего Бандеролька никак не ожидала увидеть – так это настоящую крепость, будто из средних веков. Она такие только на картинках видела – все укрепленные города Крыма строились из кирпича, известняка, железа и остатков прежней цивилизации. Некоторые умудрялись огораживаться автомобилями и автобусами, да и БТРы пригоняли. Но так, чтобы из бревен сложенная стена...

Крепость спускалась к самой воде, от нее шел причал, на котором нежданных гостей встречали до зубов вооруженные люди в защитных костюмах и противогазах. Бандеролька сразу почувствовала себя голой. Листоноши и друзья уже кишели на пароме – перекладывали вещи, но, заметив охрану, затихли. Слышно было, как гукает чей-то младенец. Рука Олега Игоревича соскользнула с плеча Бандерольки.

– Вы предупредили о нашем прибытии?

– Да, естественно, связался с ними.

Вперед, на край причала, выступил один из аборигенов, подняв руку, что-то нажал на маске, и звонкий женский голос отчетливо потребовал:

– Замедлите движение. Карантинная служба подплывает к вам на лодке, впустите наших карантинщиков и дайте досмотреть груз. Вы заходили в Херсон?

– Добро! – крикнул капитан. – Мы плыли без остановок!

Бандеролька недобро сощурилась, сложила ладони у рта и завопила в ответ:

– Я – Бандеролька, глава клана Листонош. Мы просим убежища.

– Мы знаем, кто вы, но правила есть правила.

– А вы-то кто?

– Ольга.

«Информативно», – отметила Бандеролька. Однако сопротивляться не было смысла – в общем-то, руководство крепости поступало правильно. Несколько человек погрузились на лодку и погребли в сторону выключившего двигатель парома.

К счастью, карантинщики оказались людьми вежливыми, досмотр произвели мягко, убедились, что листоноши – народ здоровый, а моряки из Севастополя – тем более.

– А если бы вы нашли у нас язвы, кожные поражения? – спросила Бандеролька Ольгу, миниатюрную, с коротко стриженными русыми волосами и широкими прямыми бровями женщину, тоже поднимающуюся на борт.

– Вынуждены были бы завернуть обратно. Мы живем не в самом благополучном месте, Бандеролька, и, хотя не боимся чужаков, относимся настороженно. Про вас, листонош, я слышала только хорошее, но одно дело – слышать, а другое – проверить, правда ли.

«Эта Ольга, – отметила про себя Бандеролька, – только выглядит нежным цветком с длинными тонкими пальцами. Чувствуется, что внутри – негнибемый стержень. Такая друзей в обиду не даст...»

– И как? – спросила она.

– Поживем – увидим.

Жители Острога, однако, не спешили снимать защитные костюмы, зато помогли перегрузить на лодки барахло и переправить к городским стенам. Олег Игоревич с командой остался на борту – перегнать паром туда, где его можно будет пришвартовать. Телеграф, Шифр и даже Кайсанбек Аланович были заняты, а Бандерольку от погрузки освободили, и теперь она стояла рядом с Ольгой на причале, толком не зная, что делать дальше.

– Раньше этот остров назывался Карантинным... – сказала Ольга.

– Остров? – удивилась Бандеролька.

– Да, основная часть города – на берегу, но мы туда почти не ходим, только в случае крайней необходимости. Твари из проливов там хозяйничают. А в воду они не суются. В Днепре, конечно, много мутировавшей рыбы, да и сама вода фонит, но почему-то на землю ничего не лезет и гастрономического интереса к людям не проявляет. Так вот... в карантине мы вас держать не будем – нет условий, но жилье предоставим. Ресурсов тоже хватит. Только, Бандеролька, мы попросим об услуге за услугу. Я говорю это сразу, чтобы потом не возникло вопросов. Нам нужно в центр Херсона.

– Мы поможем, – пообещала Бандеролька. – Мы же – листоноши. А что там?

– Непонятный источник заражения. – Ольга подняла руку и коснулась маски. – Поэтому мы вынуждены постоянно ходить в защите. К обычному-то фону все выжившие притерпелись. А там... мы называем это радиоактивной чумой, эр-чумой.

Бандеролька почувствовала, как дыбом встают волосы на голове.

– Поэтому я и спрашивала, не причаливали ли вы в Херсоне, поэтому мы вас осматривали. Эр-чуму видно сразу, у нее практически нет инкубационного периода. Бандеролька, нам

очень, очень нужна помощь. Без нее мы попросту вымерем. Или нам придется искать другое место.

– Я вас понимаю, – медленно произнесла Бандеролька. – Мы поможем, даю слово главы клана. Только дайте время прийти в себя – хотя бы сутки.

* * *

С формальностями покончили быстро. Немногочисленные остатки клана расселились по бывшему карантинному острову, ныне – Острогу, и Бандеролька получила возможность выдохнуть.

Изнутри крепость выглядела не столь архаично – как ей объяснила Ольга, когда-то, еще до Катастрофы, здесь был жилой квартал, панельные многоэтажки и промзона. Все это постепенно ветшало, но разрушено не было, и уцелевшие жители Херсона, перебравшиеся сюда «с материка», как могли, поддерживали порядок. Мост, ведущий в большой город, пришлось разобрать, со всех сторон отгородиться стенами и использовать в качестве транспорта лодки. Ни земледелия, ни особых припасов не было – промышляли охотой, собирательством и рыбалкой, хотя добыча частенько фонила. Аборигены приспособились, и дети – немногочисленные, но все же – рождались относительно здоровыми.

Область сравнительно мало пострадала, здесь не рвались бомбы, жить бы и жить... но что-то, засевшее или появившееся в центре города, распространяло заразу. К счастью, недалеко, и все же были смертельные случаи. Ни механизма передачи заразы, ни того, как с нею бороться, местные не представляли.

Бандерольке со спутниками отвели несколько квартир, и только к вечеру ей удалось остаться одной – в крохотной комнатке, забитой архивными документами, зато отдельной. Бандеролька опустила на узкую, видимо, подростковую кушетку и закрыла лицо руками.

И здесь не будет листоношам покоя. Нигде в этом мире не осталось места, безопасного настолько, чтобы люди оставались людьми, чтобы появилось у них время заниматься наукой и искусством. Надо помочь, конечно, и друзья поддержат – но не сейчас, не сию секунду, когда все вымотаны дорогой, когда всем нужно хотя бы несколько часов, хоть одна ночь, чтобы оплакать погибших и побыть в одиночестве.

Она почувствовала, как подкатывает отчаяние, решительно встала и начала разбирать архивы. Знания – то, ради чего листоноши рисковали и побеждали. То, что они должны нести дальше, осторожно, как живую бабочку в ладонях. Эти тетради, книги не должны пропасть.

Бандеролька бесцельно переключивала и листала отчеты из экспедиций, заметки наблюдателей и ученых.

Знакомый почерк на одном из отчетов заставил ее замереть.

Бандеролька осторожно заглянула внутрь. Это был дневник Пошты, отчет о его первой экспедиции.

* * *

На Совет Бандеролька пошла не одна – прихватила с собой Контейнера и Телеграфа как опытных и Кайсанбека Алановича – как умного. Костя тоже просился, но его не взяли – мал еще. Она впервые представляла свой клан, и потому нервничала, но виду старалась не подавать.

Стояло раннее утро, с Днепра поднимался туман, пахло травой и сыростью. Городок еще спал, когда листоноши с профессором прибыли в Зал Совета – по-видимому, до Катастрофы это был супермаркет – ангар с плоской крышей и просторной парковкой, ныне занятой ярмарочными навесами, пока еще пустыми.

Изнутри ангар оказался разделен на несколько помещений щитами ДСП. По коридорам сновали озабоченные люди, нагруженные бумажными папками, проводами, запчастями генераторов, оружием.

Листоноши остановились в растерянности.

Никаких мер безопасности – внутри Острога аборигены чувствовали себя так же спокойно, как листоноши – внутри Цитадели. Здесь все свои, и стены охраняются, а значит, можно расслабиться.

– По-видимому, – заметил Кайсанбек Аланович, – нам необходимо спросить дорогу, иначе мы рискуем заблудиться.

Бандеролька заступила путь девушке в медицинском халате:

– Не подскажите, Совет...

– Прямо, прямо, налево, прямо, третий направо, вторая дверь слева! – отгарабанила девица, ни капли не удивившись.

Бандеролька поняла, что все равно заблудится. Оставалось уповать на могучий разум профессора, житейскую мудрость Телеграфа и на профессиональную сметку Контейнера.

– Спасибо, – поблагодарила она девушку, но та уже бежала дальше, забавно притопывая на ходу.

Делегация не спеша и осторожно потопала к залу Совета. Вопреки опасениям, не в ту дверь сунулись всего один раз, и через несколько минут попали, почти не опоздав, в нужное помещение.

Здесь стояли в ряд парты – обычные, школьные, довольно обшарпанные, и за ними по одну сторону сидели представители Острога, а по другую оставались свободные офисные стулья для листонош. Окон не было, помещение освещалось несколькими лампами дневного света, запитанными от генератора, как и все в Остроге.

Почетные места в центре занимали женщины: уже знакомая Бандерольке Ольга, слева от нее – другая дама, повыше этак на голову, а справа – маленькая, огненно-рыжая иудейка с прекрасными томными глазами.

– Здравствуйте. – Ольга поднялась. – Позвольте представить вам Анну, – она указала на высокую, – и Диану Михайловну. Мы – Триумвират, мы управляем Острогом.

Бандеролька в ответ представила спутников. Расселись. Помимо Триумвирата, в зале были и другие люди, в основном – женщины, и Бандеролька мимоходом подумала, что мужчин у них мало, на Совете – всего несколько, и в глаза бросается демонстративно сидящий в стороне жилистый азиат с морщинистым лицом и не тронутыми сединой волосами. Он улыбался и кивал в такт словам Ольги, но при этом цепко осматривал гостей. Контейнер сразу это считал и принялся зыркать в ответ.

– Мы приветствуем листонош и рады нашему сотрудничеству, – начала Ольга явно заготовленную речь и вдруг сбилась, улыбнулась немного беспомощно. – Друзья, нам нужна помощь. Вы уже слышали, что в развалинах Херсона – очаг эр-чумы, и мы не знаем его природы. Защитные костюмы, увы, не помогают – чем ближе подходишь к центру города, тем больше шансов заразиться...

– А зачем вам в центр города? – перебил невежливый Контейнер. – У вас и здесь неплохо.

– Незачем, – пожалала острыми плечами Ольга, – но...

Поднялась высокая и решительная Анна. В лице ее было что-то от любящей мамы или тетушки, и через несколько десятков лет она обещала превратиться в бабушку – из тех, кого обожают внуки и дети, кто рассказывает замечательные сказки и поет малышам на ночь...

– Но ареал распространения заразы растет. Еще год назад это была зона в два километра, потом она резко выросла до четырех с половиной километров в диаметре, а сейчас...

– А сейчас, – Диана Михайловна тряхнула рыжей головой, – заболели обходчики, побывавшие на том берегу протоки. Это совсем близко.

Повисло нехорошее молчание.

– И вы думаете, милые дамы, – Кайсанбек Аланович улыбнулся, – что листоношам зараза не страшна?

Члены Триумvirата переглянулись. «Хорошие люди, – отметила Бандеролька, – не хотят обманывать и посылать других на верную смерть».

– Мы не знаем, – развела руками Ольга. – Поэтому просим о помощи и не ставим обязательных к исполнению условий. Решать вам.

– Но прежде, чем решать, – азиат встал со своего места в уголке и прошелся вдоль стены, все головы повернулись к нему, – вам стоит узнать несколько фактов. Кстати, меня зовут Раис.

Бандеролька никак не могла понять, сколько ему лет – слегка за сорок, за пятьдесят или все сто? Невысокий, жилистый, наверняка отличный и быстрый боец. Бандеролька поняла, что видит перед собой истинного правителя Острога.

– Факт первый: Херсон – наименее зараженная территория на юге бывшей Украины. Одессе досталось гораздо сильнее, а чем севернее – тем ситуация хуже. Вы сами понимаете: Харьков, Киев, крупные промышленные центры... Именно в Херсоне можно было бы жить. Растить детей, развиваться. Можно сказать, Острог – последний оплот спокойствия по эту сторону моря, не знаю, как дальше.

– Крым, – заметил Телеграф.

– Судя по вашим рассказам, Крым раздираем смутой. Так вот, мы могли бы жить неплохо и относительно мирно, приютив листонош и развивая с вами науку, искусства. Но нам мешает эр-чума, ни механизмов распространения, ни причин возникновения которой мы не знаем.

– Позвольте, – прервал его Кайсанбек Аланович, – вы не проводили анализы? Не представляете, вирус это или, допустим, бактерия или же лучевое поражение?

– Трупы, – Раис остановился и впился в профессора глазами, – тоже заразно. Мы ждем, увы, когда наши друзья умрут. Мы ничем не можем им помочь. И потом с расстояния сжигаем из огнеметов. Мы хотели взять пробы, конечно, и это привело к гибели двоих лаборантов.

Кайсанбек Аланович кивнул и глянул на Бандерольку. И все смотрели на нее: Телеграф, Контейнер, Триумvirат, другие члены Совета. Бандеролька лихорадочно просчитывала ситуацию. Вообще-то листоноши собирают знания и развивают их, осуществляют связь между людьми, рискуя собою, но не выполняют заданий «пойди туда, не знаю, куда». Но вот – хорошие, видно же, настоящие люди, а не быдло. Они хотят нормально жить, но столкнулись с проблемой, решить которую не в состоянии. Им грозит страшная, лютая смерть, а остаткам клана Листонош – именно сейчас, когда передышка необходима! – новые странствия. Отступать некуда, возвращаться некуда. Не имея крепкого тыла, нет смысла ввязываться в распрю на территории родного острова.

Но рисковать жизнями своих ради чужих...

– Я не могу решать сама, – сказала Бандеролька. – Очень хочу вам помочь, но не могу решать. Я спрошу своих людей и, если найдутся добровольцы, завтра мы отправимся в город.

* * *

Добровольцы нашлись практически сразу, и к полудню все было уже решено, а отряд – готов к выходу.

Бандеролька решила сама возглавить экспедицию, хотя осторожный в силу опытности Телеграф отговаривал ее от этого. Контейнеру Бандеролька запретила идти – кто-то в случае ее гибели должен был возглавить клан и помочь жителям Острога. Молодежь не пустили в силу неопытности, Кайсанбека Алановича – как самого умного и ценного, и Бандеролька отобрала троих: мичмана Зиняка, матроса Воловика (доктор Стас – кадр ценный и незаменимый, оставался в Остроге) и Карачуна.

Последний раньше непосредственно с Бандеролькой не работал, проходил по ведомству Контейнера – безопасности. Был он маленьким, шустрым, с быстрыми карими глазами мужской лет сорока, улыбчивым и крайне опасным. Бандеролька понимала, что Карачун, возможно, один из лучших бойцов клана, и что в городе он будет незаменим. А с Зиняком и Воловиком она чувствовала себя защищенной – как-никак, севастопольцы были с Поштой в самые опасные моменты.

Триумвират и Раис предоставили все возможное оборудование. Его было не так много – склады Острога не шли ни в какое сравнение со складами Цитадели. И все же нашлось оружие – ручные огнеметы, пистолеты Макарова и автоматы Калашникова, боеприпасы, защитные костюмы. От шлемов и «химзы» Бандеролька думала отказаться, как-никак, и листоноши, и матросы Севастополя обладали повышенным иммунитетом, но Карачун сказал веско:

– Защиты много не бывает, – и она с ним согласилась.

В противогазе и желтом «чумном» костюме Бандеролька чувствовала себя персонажем старого фильма про эпидемии. Ранец огнемета оттягивал плечи, автомат болтался на ремне, а «макаров» застревал в кожаной потертой кобуре. Однако стоило быть благодарными и за это.

Их – нелепо одетых, напряженных – провожали.

Возле выхода из Острога собралось, наверное, все население. Бревенчатые стены со стороны неширокого рукава Днепра, отделявшего крепость от разрушенного города, были в три-четыре человеческих роста высотой, и выстроены оказались по всем правилам фортификации, насколько могла судить Бандеролька: отвесные со стороны реки, с острова они позволяли подняться наверх. У основания стена была толще, чем вверху, и к тому же в ней имелись ворота, ведущие на причал. Толстые, обшитые железом, снабженные засовами.

Их открытия и ждал сейчас отряд Бандерольки.

В толпе провожающих было тихо. Бандеролька оглядела жителей Острога сквозь запотевшее забрало защитного шлема. Многие из собравшихся потеряли из-за эр-чумы близких, и жизнь остальных была под угрозой. Налаженный быт, относительная безопасность, планы на будущее – сейчас все это было в руках чужаков, только вчера прибывших в крепость.

Бандеролька нажала кнопку микрофона и объявила:

– Выходим.

– Наконец-то! – отреагировал матрос Воловик и аж подпрыгнул на месте от нетерпения.

Ему любых приключений было мало. Лиц спутников Бандеролька не видела, но подозревала, что все они выражают одно: радость от предстоящего похода. Листоноши любят быть полезными. Листоноши любят чувствовать себя незаменимыми. А Воловик и Зиняк просто любят опасности и любой кипиш, кроме голодовки.

Охрана Острога открыла ворота. Если бы лицо девушки не пряталось за опущенным забралом шлема, то она смогла бы насладиться синью реки, отражающей высокое жаркое солнце, ветром и зеленью камышей на другом берегу. У причала покачивалась лодка. Между лопатками у Бандерольки зачесалось, она обернулась: за спиной стояла Ольга.

– Мы будем ждать вас до вечера. Раций настолько мощных, чтобы добивали до центра города, у нас нет. Если кто-то из вас заразится – подайте сигнал, разожгите дымный костер. Я надеюсь, у вас все будет хорошо. Мы все мысленно с вами. Мы надеемся на вас.

– Спасибо, – поблагодарила Бандеролька. Отвернулась и поспешила на причал следом за отрядом.

Воловик и Зиняк, вспомнив морское прошлое, принялись командовать. Точнее, Воловик уже устроился на скамейке и схватился за весла, а Зиняк осуществлял общее руководство, как будто погрузиться вчетвером, без оборудования, в качающуюся шаткую лодку – такая уж проблема... «А кстати, – осознала вдруг Бандеролька, – как в нее лезть-то в этом костюме? Да еще жители Острога смотрят, руками машут... ох, навернусь в воду, опозорюсь, растеряю весь авторитет». Заметив ее замешательство, Карачун ловко «прилоднился» и протянул руки. Бан-

деролька благодарно приняла помощь. Лодка качнулась, она едва не взвизгнула и осторожно уселась. «В конце концов, здесь ничего, кроме смешной нелепости, не угрожает, вот до города доберемся – там будет страшно».

С воды Херсон производил впечатление сонного и мирного городка – разрушения минимальные, не то, что в Севастополе или Балаклаве, движения не заметно, все зелено и спокойно. Плескали весла, и, если бы не костюм, в котором было невыносимо жарко, можно было бы представить себя на речной прогулке с друзьями.

Впрочем, приплыли быстро. Нос лодки ткнулся в берег, и Бандеролька собралась, от романтического и беззаботного настроения не осталось и следа.

– Первым делом, – сказал Карачун, – надо бы главного определить. Прости, Бандеролька, ты, конечно, листоноша опытная, но тут я бы принял командование на себя. Потому что нам не мутанты и местные угрожают, а неведомая, извините, фигня. И к ней надо, во-первых, подбраться, во-вторых, с ней надо разобраться. Хотя разбираться я бы не стал, а просто сжег бы.

– Что сжег-то? – удивился Воловик.

– А что найдем, то и сожжем. В этом мире все горит, надо только температуру правильно подобрать.

– Кое-что взрывается, – заметил Зиняк.

– Ну и взорвется – лишь бы больше не пакостило. Так что, как голосуем? Я за главного?

– Да командуй, если так приперло, – позволил Воловик. – Мы тебе доверяем.

– Вот и славно. Значит, построились цепью и двинулись к цели.

Цель была отмечена на карте, врученной Бандерольке перед походом. Центр неведомой заразы притаился в Ботаническом саду, до которого по одной из центральных улиц было всего пять километров – час бодрым шагом или два-три, если осторожно.

– Странно, что здесь нет опасной фауны, – заметил Карачун.

– Повемерла, – предположила Бандеролька. – Заразилась и вымерла.

Ей самой не нравилась такая теория, но другой не было.

Городок был как городок – невысокие обшарпанные дома, бурно разросшиеся акации и прочие деревья, колючие кусты, плети роз, выползающие из дворов. Ни аномальной растительности, ни явной опасности. Дорога к ботсаду относительно расчищена: видимо, до того, как радиус действия заразы увеличился, жители Острога навели здесь порядок.

– Мы на самом краю заражения, – заметил Зиняк. – Вы же помните, что говорили: радиус увеличился почти до пяти километров. В двух километрах – красная зона, повышенная опасность. Друзья, двум смертям не бывать, но может, Бандеролька, ты нас тут подождешь?

– Не выдумывай. Как глава клана я обязана...

– А как наша подруга – нет, – вклинился Воловик.

– Я так решила. Я иду с вами. Я не трус.

– А зря, – Карачун проверил автомат. – Страх – замечательный инструмент интуиции, для выживания необходимый. Ну ладно, раз все такие упертые – потопали, что ли?

И они потопали. Жарило солнце, по спине градом катился пот, линза шлема запотевала, хотелось пить, а главное, ничто не предвещало беды – было просто скучно. Внимание рассеялось – ему попросту не за что было зацепиться. Ну, дома, ну, деревья, ну, брошенные автомобили.

– Птицы не поют, – обратил внимание Бандерольки Зиняк. – Нет здесь птиц. Сдохли.

Трупы пернатых, впрочем, на дороге не валялись – то ли зараженные птахи успевали улететь, то ли их кто-то жрал. Всегда найдется устойчивая к любой инфекции форма жизни.

– Если бы болезнь распространялась через животных, – сказал наблюдательный Карачун, – она давно бы вышла за пределы Херсона.

– Поживем – увидим, – отмахнулся Воловик.

Несмотря на окружающее сонное спокойствие, вперед продвигались медленно. Карачун то и дело вскидывал руку, призывая замереть, и отбегал в сторону, заглядывая в переулки, окна, разбитые витрины магазинов. Правильно, если кто-то там притаился, лучше не оставлять его за спиной.

В заброшенных городах всегда кипит не всегда приятная и не всегда понятная, но жизнь. Шарятся в поисках поживы сталкеры, одичавшие аборигены в поисках поживы грабят до того уже разграбленные магазины и склады; периодически банды и поисковые отряды затевают перестрелки, вопят раненые и мирные жители; бродят по своим делам в поисках пропитания и партнеров животные-мутанты; кто-нибудь верещит, попавшись в плети хищного растения; сопят разумные и не очень существа в засадах; что-то с грохотом рушится, падают перекрытия, лопаются уцелевшие стекла, гремят далекие взрывы; переговариваются по рации, орут песни, громко занимаются любовью... И всегда, всегда звенят мелкие кровососы – москиты, комары.

Здесь же было тихо.

Ни птиц, ни москитов, ни цикад (хотя откуда взяться цикадам в Херсоне?). Ни единого звука жизни. Даже ветра не было – он поднимется после заката, а пока что – спит в тростниках.

Бандерольку, несмотря на жару, пробрала дрожь. Будто ты в пещере, и нет звуков, кроме собственного дыхания. Будто планета погибла, не пережив Катастрофу, и ты – пришелец из космоса, высадившийся на гигантском могильнике.

Она включила громкую связь и крикнула на весь Херсон:

– Есть живые?!

Эхо отозвалось: «ые... ые... ые...».

Карачун глянул неодобрительно:

– Ты, это, не кричала бы. Мало ли, что здесь.

– Здесь. Никого. Нет.

Она не сразу узнала голос Зиняка, такого жизнерадостного, с упоением идущего навстречу опасностям. Мертвый был голос, лишенный интонаций. Бандеролька с тревогой прищелкнула к отряду: даже Воловик приуныл, подволакивал ногу и сутулился. Нелегко дался бравым защитникам Севастополя абсолютно пустой Херсон.

Бандеролька постаралась вызвать в памяти хоть что-нибудь хорошее. Улыбку Пошты, детский смех в Цитадели, пейзажи родного Крыма... Тщетно. Тлен и пустота.

Она снова зажала кнопку громкой связи и отрапортовала:

– Упадок сил, депрессивное состояние, ничто не радует. А как у вас?

– То же самое, – отозвался Воловик.

– Да вообще капец... – прокомментировал Зиняк.

– Работаем, – скрипнул зубами Карачун. – Уныло.

Что бы ни ждало в Ботсаду, оно уже начинало влиять. Бандеролька несколько раз сталкивалась с мутантами, воздействующими на психику, но там было другое.

– Докладывать о своем состоянии, – велел Карачун, – о любом изменении. Говорите, друзья, говорите. До красной зоны – триста метров. Как поняли?

Все подтвердили информацию. «Триста метров, – подумала Бандеролька, – всего триста шагов. Так мало. По относительно свободной дороге и вовсе... Да вон уже и видны впереди ворота, и за ними – буйная зелень. Пожалуй, слишком буйная. Такое чувство, что из дряхлой ограды силятся выплеснуться первозданные джунгли. Кипят смрадной пеной, высверкивают пятнами цветов, одурманивают, манят...»

Карачун вскинул руку. Все остановились.

– Красная зона, – Бандерольке показалось, или голос у него звучал более сдавленно? – Мы – смертники, друзья. Уже без разницы, пойдём дальше или останемся здесь, все равно зараза долетает.

– Попробуем все-таки добраться до самой сердцевины и выяснить. Хотя бы запись оставим. Назад дороги нет. Как самочувствие, отряд?

Все были немного подавлены, но, в целом, ощущали себя здоровыми. Привычные для любого листоноши заботы отвлекали от неопределенности будущего.

– Привал, – объявил Карачун. – Попробуем прикинуть, как быть дальше.

Они уселись прямо на нагретый асфальт, спина к спине, чтобы контролировать обстановку. Бандеролька сознательно расположилась так, чтобы смотреть на ботанический сад – если там что-то шевельнется, она будет стрелять. Но ветви растений оставались неподвижными.

– Итак, что мы знаем? – рассуждал неунывающий глава отряда. – Пункт первый: если мы могли заразиться, мы уже это сделали. Пункт второй: если мы заразились, смерть близка и неминуема. А когда, спрашивается, было иначе? Пункт третий: нам нужно зайти в сад, и мы не знаем, что нас там ждет. Опять же: а когда было по-другому? Значит, все хорошо и относительно в норме. Остается определить порядок продвижения. Голову даю на отсечение: все дорожки заросли, и нам предстоит пробиваться...

– Да не проблема! – воскликнул Зиняк и отстегнул с пояса мачете.

Карачун на пару секунд примолк. Даже Бандеролька оценила эффектный жест.

– Значит, прорубаться, и Зиняк... мичман, ты же умеешь этим пользоваться? И Зиняк идет первым. Следом – я, Бандеролька, замыкает Воловик. Как сильный, но не очень смысленный. Вопросы?

– Только один, – подала голос Бандеролька. – Что мы будем делать, когда найдем ЭТО?

– По обстановке, – отреагировал Карачун. – Или сжигать, или бежать. Третий вариант – ложиться и умирать, но он мне не нравится...

* * *

Это, и правда, были джунгли. Дорожки, если они вообще имелись, давным-давно заросли так, что и следа не осталось. Зиняк с хрустом прорубал тропинку в сплетении лиан, роз, разросшихся сверх всякой меры, и высоченной травы. Налево и направо разлетались брызги зеленого сока. Бандеролька топала под прикрытием сильных мужчин, поглядывая по сторонам. По-прежнему тихо и безжизненно. Ноги по щиколотку утопают в прелой листве и перегное.

Фильтры защитного костюма не давали Бандерольке почувствовать запах этого места, а ведь по запаху многое можно было бы понять. С другой стороны, хотелось верить, что именно эти фильтры защищали ее от быстрой и мучительной смерти.

Внезапно заросли кончились. Не поредели, а именно кончились, и Бандеролька, ослепнув от хлынувшего сверху солнечного света, налетела на Карачуна. Проморгалась, и только тогда смогла осмотреться.

Прямо перед замершим отрядом была проплешина – прямоугольная, со всех сторон обхваченная будто бы отступившими джунглями. За спинами ребят Бандеролька не видела, что там, но отметила странный звук: нечто булькало и хлюпало, как густая каша в походном котле.

– Ну и мерзость! – Карачун сплюнул под ноги. – Это оно?

– Сдается, что так, – отозвался мичман, – жечь будем?

– По-любому, – высокому Воловику, конечно же, было видно происходящее.

Бандеролька раздвинула спутников и наконец-то увидела источник звука.

Наверное, до Катастрофы в Ботаническом саду были и бассейны, и фонтаны, и неведомая тварь облюбовала один из них. Никогда прежде Бандеролька не сталкивалась с таким. Переваливая и переплескивая через бортики искусственного водоема, в прямоугольной чаше бурлила непонятная слизневая субстанция, цветом и консистенцией напоминающая переваренную, с пригорелыми ошметками, овсяную кашу. Мучнисто-серая, вязкая, она шевелилась,

будто снизу припекало, и вздувались на поверхности мутные пузыри, лопающиеся с характерным еле слышным, и оттого еще более противным, «чпоком». Бандерольку замутило. Она сразу поверила и поняла: вот – источник заразы. И удивительно, что севастопольцы и листоноши еще не упали замертво, покрывшись зловонными, сукровицей сочащимися язвами, не превратились в комки этой дряни...

– Жги! – приказала она, и перекинула через плечо гибкий шланг, соединяющий ранец с горючим и растроб огнемета.

Оружие непривычное, но понятное: нажми на кнопку и поливай врага огнем...

Отряд выстроился, и пламя полыхнуло одновременно.

Зашипело, и обзор заволокло дымом, копотью оседавшим на забралах. Субстанция запищала – тонко, не как живое существо, а как жирная сосиска над раскаленными углями. Бандеролька выключила огнемет и перчаткой обтерла шлем, чтобы хоть что-то видеть.

Оно увеличилось в размерах. Подернулось трескающейся коркой, но вздыбилось и перехлестнуло через край бывшего бассейна, и трава на подступах пожухла. Теперь субстанция двигалась – пенно, неотвратно, хотя и очень медленно.

– Мы его активизировали, – убитым голосом констатировал Карачун. – Оно на тепло реагирует.

– Отходим! – осознав, что отряд в опасности, Бандеролька перехватила командование. – Живо.

Приказывать дважды не пришлось. Бравые севастопольцы и опытные листоноши ломанулись обратно в заросли и остановились только метров через пятьдесят, тяжело дыша. У Бандерольки стучало в ушах.

– Все живы? – спросил Карачун.

Ему хрипло, но дружно, ответили, что все.

– Привал, – решила Бандеролька. – Давайте пораскинем мозгами.

И без Кайсанбека Алановича было ясно, что жечь субстанцию не стоит. Расстреливать живую, дышащую кашу, скорее всего, бесполезно. Но остановить ее нужно. Ветки там, где осталась тварь, подозрительно трещали, как под гусеницами танка. Бандеролька порадовалась, что взяла с собой так мало добровольцев.

– Попробуем тварь замочить, – предложил Воловик, – любым доступным способом. Может, ее в прямом смысле водой полить?

– Нет, – выступил адвокатом дьявола Зиняк, – если она от дождей не сдохла, это не поможет.

– Расстрелять? – подбросил идею Воловик, и тут же сам ее отменил. – В кисель стрелять – гиблое дело...

– Взорвать! – осенило Карачуна. – Если она и может поглотить энергию пламени, то при взрыве...

Бандеролька задумалась. Неправильно выбранная стратегия чревата тем, что все здесь останутся, а тварь разрастется и захватит Острог. Риск слишком велик. С другой стороны, ничего не предпринимать – обречь жителей Карантинного острова на смерть. Наверняка и без вариантов. И принимать решение предстоит ей, Бандерольке, и ответственность ляжет на нее...

– Хорошо, – она поднялась и сняла огнемет. – Поступаем так. Я беру гранату. Кстати, кто взял гранату? Ага, спасибо, Карачун, я знала, что ты запасливый. Давай ее сюда. Давай, давай, пока что я – глава клана, и ты обязан подчиниться. А теперь, друзья, вы уматываете на берег так быстро, как можете. Я остаюсь. Попробую ее убить.

– Фига, – отреагировал Воловик.

Зиняк и Карачун кивнули, соглашаясь с ним. Бандеролька опешила.

– Извольте повиноваться, господа!

– Ага, а нас потом Контейнер притопит, – резонно заметил Карачун. – Нет уж, подруга, вместе пошли, вместе и вернемся. Или не вернемся. Можешь потом нам хоть публичную порку устроить, хоть изгнание.

– А мы вообще не листоноши, – напомнил Воловик и подпрыгнул на месте от нетерпения. – Знаете, что? Этот кисель прогорклый хотя бы в голову не «торкает» – и то хорошо. С остальным можно справиться. Раз уж мы вплотную подошли и живы остались...

– А может, вовсе не каша заразу распространяет? – спросил Зиняк. – Может, эта биомасса только локальную опасность представляет?

– Да вряд ли, – отмахнулась Бандеролька, – куда птицы подевались? Думаешь, кто-то еще здесь притаился? Не плоди сущности.

– Верни гранату, – попросил Карачун.

Бандеролька завела руки с оружием за спину – на всякий случай – и отрицательно замотала головой.

Ребята подозрительно переглянулись. Она ничего не успела, да и не смогла бы, сделать: Воловик прыгнул сбоку, Зиняк прошел в ноги и повалил, а Карачун уже выкручивал руку, отбирая оружие. Бандеролька валялась на земле, и смотрела на друзей – в желтых костюмах, испятнанных зеленым солнечным светом, пробивающимся сквозь заросли, и чуть не плакала от безысходности.

– Подержите командира, – буднично посоветовал Карачун. – А я сейчас. Если что...

Ее охватило тревожное чувство повторяемости. Пошта остался в Цитадели прикрывать отход... Сейчас вот в неизвестность уходит Карачун. Она попробовала дернуться, но севастропольцы держали крепко, и Бандеролька попыталась воззвать к их совести:

– Я же – глава клана!

– Вот поэтому, – пробурчал Карачун, – ты нам и нужна живой. Ну, я пошел.

Дальше все было очень буднично и очень страшно. Бандеролька зажмурилась, но зеленые тени скользили по векам, и трещал зарослями уходящий прочь Карачун. Моряки крепко держали ее, не давая вырваться и кинуться следом.

Карачун отчитывался о том, что видит, и в мертвенной тишине сада разносился его голос, усиленный громкоговорителем:

– Все по-прежнему, похоже, движение заразы остановилось. Следов не вижу. Иду дальше. Слышу треск. Кажется, движется в мою сторону. Принял решение выждать минуту. Отсчитываю. Шестьдесят. Пятьдесят девять.

– Во дает, – пробормотал Воловик.

Перед закрытыми глазами Бандерольки вместо мельтешения пятен возникла картинка: вот Карачун, небольшой, крепко сбитый, но очень подвижный и ловкий, пробирается сквозь заросли...

* * *

Карачун пробирался сквозь заросли. Это в компании легко и весело, когда Зиняк орудует мачете, Воловик настороженно сопит в ожидании приключений, а Бандеролька контролирует обстановку. Одному на верную смерть идти вообще ни фига не весело. А в том, что впереди – верная смерть, он не сомневался.

Достаточно уже повидал, чтобы понимать: этот кисель, распространяющий инфекцию, просто так не сдохнет, заберет с собой по возможности больше врагов.

У знания не было рационального обоснования, и вовсе не жалел листоноша Карачун о прошедшей жизни. В конце концов, жены нет, детей нет, товарищи оплачут – и пойдут дальше, много пришлось пережить листоношам в последнее время, еще одна потеря ничего не изменит. И кто бы пошел вместо него? Девчонка, волею судьбы ставшая главой Клана? Да Карачун бы

себе этого в жизни не простил! Пацан Воловик? Такие вот мальчишки и заставляют верить: не зря живут листоноши, есть надежда у человеческой цивилизации. Зиняк? Хороший парень. Без него не вернуться Воловику с Бандеролькой в Острог. Так и получается – лучше идти Карачуну.

– Пятьдесят, – считал он вслух, надеясь, что друзья его слышат – все не столь одиноко. Под счет «тридцать» каша выперла из джунглей.

Она двигалась плавно, исполненная тупой силы, как гигантская амеба, только неоднородная, комковатая. По прелым листьям, между корней, бурлила вязкая слизь. Слышнее стал треск ломающихся веток. Карачун поднял обе руки и снял шлем защитного костюма – ему уже не страшна была смерть от заразы.

– Вижу противника. Уходите к лодке, я действую.

В нос ударило смрадом тлена и гнили. Карачун дал очередь из автомата по псевдоподиям, и тварь замерла, будто бы даже втянув отростки. Он успел улыбнуться, и тут слизняк, будто переварив пули, попер в наступление. Скорость резко увеличилась, но между стволами и корнями по-прежнему мелькали лишь фрагменты, и тела, центра не было видно. Карачун понял, что швырять гранату вслепую – значит, еще больше раззадорить тварь.

Если она движется, тем более, к определенной цели – у нее должен быть если не мозг, то аналог. Его и предстоит поразить.

Оставив на земле ненужные шлем, автомат и огнемет, листоноша ухватился за ближайшую лиану и шустро, как мог, полез наверх. К счастью, ветки растений сплетались, образуя если не сплошной ковер, то сетку, по которой можно было сносно передвигаться, поглядывая вниз, на биомассу.

А посмотреть было на что. Неровный, тоньше у краев и чем ближе к бывшему фонтану, тем толще, ковер киселя шевелился, обтекая большие деревья и подминая более мелкие. Растения покачивались и, как показалось Карачуну, постепенно утрачивали блеск и упругость листьев, будто их высасывали.

Он приказал себе не отвлекаться и полез вперед, к чаше заброшенного фонтана.

Ноги скользили и воняло все интенсивнее, но Карачун не останавливался. Вот показалась знакомая поляна...

Биомасса – или кисель – или каша – вздыбилась грибом. Листоноша даже не сразу понял, что за покачивающийся белый столб перед ним, а когда понял – обомлел. Не было в нем ничего от животного, и единственное, что действительно напоминала тварь – ножку поганки, пораженной плесенью. Вырост был далековато, не добросишь гранату, и стволы деревьев мешали – был риск, что снаряд отскочит... Карачун медленно, на выдохе, произнес все, что думал о блудливом мицелии, породившем такое плодовое тело, и начал карабкаться дальше. Он полз осторожно и осмотрительно, шипя сквозь зубы и примериваясь: пора ли уже бросать гранату? Не пора ли?

А еще он надеялся, что друзья ушли далеко. Эта надежда поддерживала, не давала рукам дрожать и запрещала думать о будущем.

Граната была самодельная, изготовленная после Катастрофы, и потому Карачун даже примерно не представлял радиус ее действия. Понятно, что засандалить бы ее в самый центр ползучей дряни, но как бы при этом самому не пострадать. Карачун не особо верил в то, что выйдет из переделки невредимым, но был оптимистом по природе.

Наконец, он достиг дистанции, с которой ничто не мешало добросить гранату. Сероватый вырост, весь покрытый пузырями и будто бы язвами, покачивался метрах в пяти. Карачун тяжело соглотнул – слюна стала вязкой, и нос заложило, надо полагать, милосердно, чтобы зловоние не добивало. Зачесалось лицо, начало печь руки. Карачун, правой рукой уцепившись покрепче, стянул зубами защитную перчатку с левой. И его тут же прошиб холодный пот, и такое отчаяние взяло, что пришлось закусить губу, чтобы не заорать.

Кожу покрывали язвы – как будто плеснули кислотой или щелочью, и состав разъел кожу до самой соединительной ткани. Карачун зажмурился. Значит, он все-таки заразился. И скоро умрет. Проверять, насколько мучительно, ему не хотелось.

– Ну, каша, посмотрим, как тебе это понравится, – пробормотал листоноша и выдернул чеку. – По крайней мере, теперь я точно знаю: заразу разносишь ты.

Он последний раз посмотрел на синее небо, видимое в переплетении ветвей и, по-обезьяньи оттолкнувшись, прыгнул вперед, прямо в центр субстанции.

* * *

Воловик и Зиняк дотащили упирающуюся и ревушую от злости Бандерольку почти до берега, когда услышали взрыв.

Они обернулись – из центра города поднимался столб жирного чадного пламени.

– Как думаете? – начала Бандеролька, осеклась и села – ноги не держали.

Воловик пнул стену ближайшего дома и выругался. Зиняк, не отрываясь, смотрел на дым, потом задумчиво произнес:

– Светлая память Карачуну. Хороший был листоноша. Хочется надеяться, он сделал это не зря.

До вечера Бандеролька с севастопольцами сидели на берегу, у лодки, и жгли костер. Признаков заражения у них так и не появилось, и уже в сумерках они причалили к стенам Острога. Дозорные встретили их тревожными новостями: во-первых, на остров прибыли неожиданные гости, жаждущие повидать главу листонош, а во-вторых, буквально час назад один мальчишка-рыбак свалился с признаками эр-чумы. И, самое страшное, рыба, которую он вытащил, тоже была больна – вся в язвах, ни с чем не спутаешь.

Зараза попала в воду.

* * *

Этот совет не походил на прошлый. Бандеролька еще не оправилась после гибели Карачуна, как сейчас стало видно – бесполезной. И все понимали, сочувствовали, но не могли скрыть разочарование и страх – если вода в реке отравлена, Острог обречен.

Кроме Бандерольки, Кайсанбека Алановича, Телеграфа и Контейнера, и уже привычного Триумvirата с Раисом, в зале Совета находилась незнакомая и крайне расстроенная команда. Грызла ручку рыжеволосая кудрявая красавица, бурчал себе под нос крепкий, почти квадратный казак с прической-оселедцем, а шуплый брюнет с выдающимся носом что-то рассматривал на потолке.

– Верховцев, – буркнул невыразительный сутулый тип с морщинистым лицом, седым ежиком волос и черной повязкой через правый глаз, – доктор Верховцев. И мои ассистенты. Марика, – указал на рыжую, – Влад, – ткнул пальцем в квадратного, – и Игорь.

Со стула он даже не поднялся и руки не подал. Ассистенты Верховцева дружно вздохнули. Бандеролька, вопросительно подняв брови, глянула на Ольгу – она, как и другие жители Острога, присутствовала на Совете в защитном костюме. Та пожала плечами:

– Доктор принес плохие новости. Сегодня день плохих новостей.

– Да. – Доктор вздохнул и уставился в стол, потом сделал над собой усилие, встряхнулся и вскочил. – Листоноши? Очень хорошо. Вы мне нужны. Вы знаете про Бункеры Возрождения?

– Предположим, знаем, не настолько мы жалкие и ничтожные личности! – возмутился профессор Кайсанбек Аланович.

– Поэтому я вас ждал. Не хотел объяснять... Вы же искали бункеры, да? Пошта искал.

– Пошта мертв, – сказала Бандеролька.

Доктор вздрогнул и всплеснул руками. Взгляда он, правда, по-прежнему не поднимал.

– Жаль. Перспективный, отчаянный... Очень жаль. Мои соболезнования нам всем. Наша команда... Я хочу извиниться. Да! – Он вдруг выпрямился и уставился на Бандерольку повязкой. – Наша команда должна извиниться перед всем обитаемым миром. Потому что мы... Нет, я решительно не могу, не могу это произнести!

Он обхватил голову руками и забегал по залу.

– Потому что мы уничтожили Бункер Возрождения, – промолвил Игорь, по-прежнему глядя в потолок.

Ольга вскрикнула. Бандерольку будто ударили в солнечное сплетение – невозможно стало дышать. Она закрывала и открывала рот, словно выброшенная на берег рыба – немо и отчаянно, хватая воздух.

– Но позвольте... – Кайсанбек Аланович снял круглые очки и протер их носовым платком. – Как же вы умудрились? Как... Нет, но нашими современными средствами это невозможно!

– А вот оказалось возможно! – зло сказал Верховцев, и видно было, что злится он на себя. – Заставь дурака богу молиться – он и лоб расшибет. Мы запустили систему самоуничтожения Бункера.

– Но мы надеялись, – проговорила высокая Анна, – что там – спасение...

– Предки нас переоценили, – буркнул Верховцев. – Я не знаю, чем искупить. Хотите, совершу харакири?

– Уважаемый. Коллега. – Кайсанбек Аланович навис над доктором и взял его за локоть. – Не убивайтесь так...

– ...так вы не убьетесь, – будто бы в сторону прокомментировал Игорь.

Бандеролька не удержалась – улыбнулась.

– Вам же известно, что это – не единственный Бункер?

И тут же все закричали и пришли в движение. Команда Верховцева требовала подробностей: как, где, собиралась чуть ли не бежать на поиски. Триумvirат совершенно недостойно вопил от счастья. Раис призывал к порядку. Контейнер с Телеграфом излагали то, что знали, и безбожно путали и перевирали. Кайсанбек Аланович и Верховцев рассыпались во взаимных реверансах и убеждали друг друга в уважении... Гвалт стоял невообразимый, и только Бандеролька внезапно обнаружила, что отделена от него почти непроницаемой стеной – существующей только в воображении стеной безнадежности, безэмоциональности, без...

– Так когда выступаем?! – во всяком шуме бывает пауза, и ее заполняет одна реплика. Сейчас все примолкли, и Верховцева стало слышно.

Успокоились. Расселись по местам. Бандеролька пыталась пробить несуществующую стену – и не могла. Как прошлой ночью, в одиночестве, над дневником Пошты – и уже все равно, и будущего нет. Она заставила себя хотя бы слушать под заботливыми взглядами Триумvirата – мудрые женщины все замечали, и ее состояние от них не ускользнуло.

– Нам необходим Бункер Возрождения, – слово в нахлынувшей тишине взял Раис. – Острогу угрожает опасность. Даже не так: времени не осталось. Эр-чума уже здесь, в водах Днепра. У нас нет лекарств, чтобы противостоять ей. Мы должны уйти, но отступить некуда. Мы надеялись на вас, Верховцев, и надеялись на вас, листоноши, но против судьбы не попрешь, – он перевел дыхание. – Однако не все потеряно.

– Так когда выступаем? – повторил Верховцев.

И Бандеролька поняла, что отвечать предстоит ей, и что времени практически не осталось. И передышки не будет.

– Выступаем завтра после обеда, – сказала она. – Мы, листоноши, разделимся. Часть вернется в Крым, часть останется здесь, с народом Острога – вам нужны будут лишние руки... А часть, и я в том числе, пойдет с Верховцевым искать действующий Бункер. Подождите, не

шумите, поясню. В Крым нам нужно. Нас, листонош, оклеветали, все наши достижения пошли прахом, и что-то недоброе творится на острове. Что-то настолько же плохое, как обстоятельства, приведшие к Катастрофе. Наша миссия – выяснить и предотвратить. Но также наша миссия – помогать и собирать информацию. Мы знаем о Бункерах. Поэтому, повторю, мы разделимся. Я очень устала. Я очень хочу спать. О составе команд от Листонош я объявлю завтра утром.

Интерлюдия 1

Дневник Пошты

Старая потрепанная тетрадь. Кажется, в стародавние времена такие тетради называли общими. Обложка цвета запекшейся крови, заклеенная сверху полосками широкого скотча. Засаленные края страниц, покрытые слоем дорожной пыли. Путевой дневник Пошты. Каким образом дневник оказался среди прочих документов, никто не знал, но Бандеролька сочла это обстоятельство если не чудом, то точно хорошим предзнаменованием.

Аккуратно раскрыв тетрадь на первой странице, Бандеролька долгое время просто рассматривала строчки, написанные от руки убористым почерком, будто могла разглядеть в них образ погибшего друга. Он был для нее гораздо ближе, важнее и дороже всех остальных людей на этой земле. И пусть она еще не до конца осознала всю глубину своих чувств, но с каждым часом, с каждым прожитым днем после падения Джанкоя, Бандеролька все чаще вспоминала Пошту. Она тяжело вздохнула и приступила к чтению.

...День двадцать первый.

Чем дальше мы с Лазарем отдаляемся от Джанкоя, тем чаще спорим, по поводу и без одного. Конечно, нам всем пришлось несладко в подвалах Цитадели. Каждый, кто проходил процедуру инициации клана Листонош, заплатил за это не только физическими изменениями своего тела, но и частичкой своего разума. Частичкой – это еще если тебе сильно повезет. Говорят, некоторые новобранцы попросту сходили с ума и годились после инициации только на то, чтобы стирать портки и портить воздух. Но это случалось редко. По крайней мере, за те несколько месяцев, что я провел в Джанкое, я встретил всего одного несчастного, по имени Тютя. Тютя помогал поварам в столовой, выносил помои и чистил овощи. Да и сам он был практически как овощ, глядя на окружающий мир абсолютно пустыми глазами.

Что же касается меня, то по результатам тестов, врачам клана удалось невероятным для меня способом ускорить процессы регенерации моего организма. Банальный порез пальца, пусть даже очень глубокий, заживал буквально за несколько минут. Говорили, что я за день смогу восстановиться после прямого пулевого ранения в грудь, но проверять эту гипотезу на практике я пока не спешил.

Лазарь стал двоякодышащим и не боялся радиации. Единственная моя подруга в клане, Бандеролька, после инициации стала невероятно сильной и выносливой. Я собственными глазами видел, как она разогнула подкову моего Одина. А еще, по непонятным для меня причинам, ее некогда светлые волосы вдруг стали цвета вороньего крыла.

«Скажи спасибо, что рога или хвост не выросли!» – подиутул я тогда над ней. После чего и стал свидетелем ее способности гнуть подковы.

А вот Лазарь сам на себя не похож. Все время жалуется на погоду, на окружающий ландшафт, на мое поведение. Так и хочется как следует врезать ему по морде и велеть успокоиться. Но всякий раз я мысленно одергиваю себя. Потому что понимаю – Лазарю страшно. Страшно от того, что он не может узнать свое собственное тело, ставшее будто чужим. Жабры на шее, канаты мышц, перекатывающиеся под огрубевшей загорелой кожей, и способность видеть даже в кромешной тьме. Отныне, всякий раз приходя в поселение выживших, он будет ловить на себе испуганные взгляды местных и слышать за спиной испуганный шепоток «Листоноша... Мутант»... Так и будут бояться друг друга.

На подходе к Судаку мой напарник немного успокоился. И хотя это было наше первое задание в качестве членов клана, поводов для волнения у нас было немного. Судак – относительно спокойное поселение, сюда редко наведываются бандитские шайки. Город был наполовину разрушен, и жил за счет порта, из которого совершались регулярные рейсы вдоль берега

в Ялту. Нам с Лазарем было приказано прибыть в город и встретить судно под названием «Буревестник», совершавшее как раз один из подобных рейсов.

Практически все уцелевшее население обосновалось на Колесе. Мне прежде не доводилось бывать в этих краях, и представшая передо мной картина произвела довольно сильное впечатление. Колесо обозрения, или просто Колесо, на первый взгляд поражало своими размерами, хотя сама конструкция еще советских времен. Замершее сразу после Катастрофы, Колесо долгое время стояло, никому не нужное, до тех пор, пока несколько энтузиастов не догадались переоборудовать кабинки в маленькие жилые комнатки. За несколько лет люди перемонтировали Колесо, перенесли нижние кабинки ближе к центру и образовав с их помощью длинный коридор. Издалека эта конструкция была похожа на огромную улыбающуюся рожищу с глазами, или как говорили до Катастрофы, – на смайлик.

Позднее Колесо обрастало бочками для сбора дождевой воды, солнечными батареями и новыми жилыми надстройками. И попасть внутрь без разрешения хозяев было крайне проблематично.

– Ну что, пойдём устраиваться на ночлег?

Лазарь ничего не ответил, лишь бросил в мою сторону очередной, полный раздражения, взгляд исподлобья.

Несмотря на подобные моменты в его поведении, я без малейшего колебания доверяю ему прикрывать мне спину. Я все понимаю. Его враждебность скоро пройдет, стоит ему только принять свою новую сущность. Хотя я до сих пор не уверен, принял ли свою новую сущность я сам. Кажется, из всех новобранцев, вступивших в клан одновременно со мной, это удалось лишь Бандерольке...

Почему-то следующие несколько страниц из дневника были выдраны «с мясом», оставив после себя лишь обрывки бумаги у корешка. Бандеролька не придавала этому особого значения, надеясь узнать ответ в последующих записях...

...Естественно, первая реакция местных жителей была настороженной и даже агрессивной. И не мне их судить. В мире, где каждый готов порвать тебе горло за глоток чистой, не зараженной радиацией воды, быстро разучиваешься добродушно верить всем на слово и без тени страха открывать дверь незнакомцу.

Так что стволы дробовиков, упершиеся нам с Лазарем в лица, не стали для нас большой неожиданностью.

– Ясно-понятно. – Я постарался улыбнуться как можно спокойней, ведь улыбку тоже можно истолковать двояко. Например – как признак излишней нервозности очередного психа из пустошей. – Всецело разделяю ваше негодование и желаю доброго вечера. А вот разрешите вам пропуск показать?

Глаза одного из привратников, сверкающие из-под косматых бровей, пристально следили за моей рукой, медленно опускающейся в перекладную сумку и достающую бляху с символикой клана: изогнутым почтовым горном, блестящим под лучами заходящего солнца.

– У моего друга такой же, – кивнул я в сторону насупившегося Лазаря. – Показать?

Косматый отрицательно мотнул головой и убрал обрез. Его напарник, немного помедлив, спрятал свой ствол в заплечную кобуру и принялся проворачивать металлическое колесо, открывавшее замок на воротах.

Объяснив охране причину нашего прибытия в их поселение, мы сдали оружие и отвели лошадей в стойла во внутреннем дворе. За Одина я не переживал. Даже если кто-то из местных решит позариться на коней листонош, то его даже хоронить не придется. Его или восемь мощных копыт в землю втопчут, или просто съедят (все зависит от того, какое будет в этот момент настроение у моего верного скакуна).

На само Колесо можно было подняться лишь на лифте, работающем на ручной тяге. Оказывается, мужики с дробовиками трудились не только привратниками, но и своеобразными лифтерами. Дождавшись, когда мы с Лазарем встанем в подвесную кабину, мужики взялись за ручки огромной лебедки и с видимым усилием привели механизм в действие. Кабина двигалась рывками, что вызывало весьма неприятные ощущения в желудке.

– Копать-колотить! Лучше под землей окопаться, чем с такой верхоптуры упасть! – подмигнул я Лазарю. И впервые за время нашей совместной поездки я увидел на его лице призрачную тень улыбки.

«Буревестник» опоздал на три дня от условленной даты. Когда экипаж баркаса наконец-то завалился, будучи уже в дупель пьяным, в единственный бар на Колесе, мы загрузили еще больше.

– Нет вашего груза, – развел руками едва бормочущий от излишков алкоголя в крови капитан Воха.

– Как это нет? – моментом вспыхнул Лазарь и едва не бросился на капитана с кулаками. Я едва успел оттащить друга, пока его выходка не привела к кабацкой потасовке.

– А вот так! Пираты на нас напали. Рыжехвост, якорь без мазута ему под ватерлинию.

– Ладно, черт с ним, с грузом. А что с Мироном? – я пытался выдавить хоть какой-то вразумительный ответ из изрядно накаченных пивом и вином матросов. Но в результате часового допроса смог узнать лишь то, что напавшие на баркас пираты забрали Мирона и его груз с собой.

Похоже, мое первое задание оказалось проваленным. Надеюсь, что это случилось со мною в первый и в последний раз...

Глава 1

Союз врагов

Вокруг Керчи простиралась степь – бескрайняя, до самого горизонта, выжженная беспощадным крымским солнцем, рыжевато-белая, в пятнах солончаков и рытвинах оврагов. Горячий ветер-суховей гонял колючие шары перекасти-поля. Солнце припекало в зените. Был почти полдень, когда отряд Контейнера вышел к первому блокпосту.

Предводитель отряда, некогда – начальник службы безопасности клана Листонош, главный оружейник и эксперт по силовым конфликтам, ныне – бродяга без роду и племени, изгой и разыскиваемый на всем острове мутант-листоноша Контейнер, прищурясь, проводил взглядом переплетение сухих и ломких ветвей.

«Вот и мы теперь, – подумал Контейнер, – стали перекасти-поле – бездомные, никому не нужные, гонимые ветром. А ведь когда-то листонош уважали и, чего греха таить, побаивались во всем Крыму...»

Контейнер оглядел свой отряд. Олег Игоревич, неразлучный с мохнатой псиной. Помощник такого же лохматого, как собака, экс-капитана – костлявый и жилистый Ренькас. Бравая атаманша Пеева, оставшаяся без своей банды. Адьютантша атаманши – Олька по кличке Боевой Зяблик, с Ренькасом два сапога пара, маленькие, щуплые, злобные, что называется – ярости больше чем веса, а веса в обоих вместе взятых – меньше, чем в одном Контейнере.

Некомбатанты – бой-баба повариха Раиса Петровна и криптоаналитик Шифр. Первая берет здоровой агрессивностью, второй – мозгами, но в открытом бою толку от обоих – ноль, обуза.

И сам Контейнер – полтора центнера мышц и смертоносных навыков. К счастью, за все четыре дня, пока отряд скучно и нудно, без особых приключений добирался на перекладных от Херсона до Керчи, навыки эти не пригодились.

Но развитая интуиция подсказывала Контейнеру, что в Керчи они вот-вот понадобятся.

Очень уж недружелюбно выглядел блокпост. Бетонная конура с бойницами, откуда торчали стволы спаренного пулемета КПВТ, гора мешков с песком, сваренные из железнодорожных рельс противотанковые «ежи», растянутый поперек пыльной дороги шипастый «дикобраз», серебристые паутинки растяжек на обочине и подозрительно скрытый дерн (первый признак минного поля) вокруг блокпоста наводили на мысли о том, что Керчь чужаков не жалуется.

– Значит, так, – сказал Контейнер. – Снижаем скорость, повышаем внимание. Сейчас нас будут, по всей вероятности, шмонать, и шмонать будут основательно. Вести себя тихо, мирно, драку не затевать, на конфликт не нарываться. Ренькас, Зяблик, все ясно?

– А что сразу Ренькас? – вскинулся парнишка. – Я тут вообще самый мирный человек. Старший помощник капитана, можно просто – старпом. Верно я говорю, Олег Игоревич?

Капитан не отреагировал, зато мохнатая псина оскалила угрожающего вида клыки и радостно завиляла хвостом.

Олька Зяблик сделала невозмутимое лицо, как будто не про нее речь.

– А вас, Олег Игоревич, – продолжил Контейнер, – я попрошу держать собаку на коротком поводке, мало ли – вдруг там кто испугается.

Капитан медленно кивнул, а псина еще шире распахнула пасть. Контейнер готов был поклясться, что собака ухмыльнулась. Из крокодильей пасти капала слюна.

– Раиса Петровна, Шифр, вы – повар и снабженец. Мы – мирные торговцы вторсырьем, покупаем металлолом, продаем шмотье фирмы «секонд-хенд». Оружие спрятать, работаем по схеме «серый человек».

– Это как? – не понял Шифр.

– Это значит – сливаемся с окружающей обстановкой, не выделяемся, не привлекаем к себе внимания. Ясно?

– Звисно, – ответил Олег Игоревич густым басом, а псина негромко гавкнула.

Олька Зяблик хихикнула.

– Хотела бы я посмотреть, как ты будешь сливаться с окружающей обстановкой, толстяк, – бросила она.

Контейнер вздохнул. Тема его веса была излюбленной мишенью для подколов со стороны Зяблика.

– Сейчас увидите...

Ловкими, привычным движениями – выработанными до автоматизма, ночью разбудил, руки сами сделают – Контейнер разобрал «калаш» и рассовал запчасти по рюкзаку так, чтобы даже самый пытливый ум не признал в них детали оружия. Благо, «калаш» был древний, ржавый, металлолом и есть металлолом. Хорошо хоть, стреляет... Кобуру с «макаровым» перетянул на пузо, поближе к пряжке ремня – в паху никто ощупывать не станет. Запасной магазин сунул за голенище ботинка, нож спрятал в рукаве. Рубашку выпростал из-за пояса, пустил навывпуск, поля панамы помял и опустил, придал лицу расслабленно-одутловатое выражение, чуть-чуть ссутулился, приоткрыл рот и для завершения образа поковырял пальцем в носу.

– Ну шо, – спросил он. – Пидемо? Чего стоять тут, идти надуть. Керчь сама до нас не придет. Топать надуть. Ножками. Чего стоим, кого ждем?

Зяблик восхищенно ахнула, Раиса Петровна рассмеялась, а Шифр и Ренькас изобразили аплодисменты. Пеева одобрительно улыбнулась, капитан и собака синхронно покивали. Всего парочка простых манипуляций – и грозный воин Контейнер превратился в туповатого сельянина-торгаша.

Прочие члены команды с той или иной степенью достоверности попытались повторить перевоплощение лидера. Контейнер смотрел на их попытки скептически, и после нескольких правок – взлохматить волосы Зяблику, снять бандану с Пеевой и поправить косынку поварихе – счел камуфляж удовлетворительным. Оружие – благо, его было не так уж много, куда меньше чем хотелось бы Контейнеру, учитывая специфику миссии, попрятали, кто где.

«Впрочем, оружие – это ерунда, – мельком подумал Контейнер. – Оружие всегда раздобыть можно. Люди, вот что важно. Страшно не люблю работать с незнакомой, не мной выдрессированной командой. Ну, ничего. Сработаемся».

– Пошли, – скомандовал он. – Будем досматриваться.

Навстречу им уже брел лениво разморенный на жаре боец с блокпоста.

– Куда путь держите? – спросил он, прикрывая ладонью лицо от солнца.

– В Керчь, – после недолгой паузы, призванной сымитировать тугодумие, ответил Контейнер.

– А зачем?

– По торговым делам.

– Чем торгуете?

– Железо продаем. Шмотье покупаем.

– Железо? – подозрительно прищурился боец. – Радиоактивное, небось? Фонит?

– Чушь! – возмутилась Зяблик, передернув плечами. – Ничего у нас не фонит! А ну, тащи свой дозиметр, фонит ему, видите ли!

Девушка расправила плечи, выставив весьма скромных размеров грудь, готовая ринуться в бой за честь товара.

– Мы – порядочные торгаша, не сталкеры какие-нибудь! Честным трудом деньги зарабатываем! Тащи дозиметр! Меряться будем!

Солдатик, ошалев от такого напора, уставился на Олькину грудь в вырезе майки и сглотнул.

– Тащи давай! – наседала Зяблик.

– Цыц, соплячка! – окоротила ее атаманша Пеева. – Вы уж извините ее, служивый, девка молодая, горячая. А железо у нас чистое, сами резали, под Симфером, там не фонит, как известно.

Солдатик перевел взгляд на могучую атаманшу и совсем скуксился.

– Пирожочек не желаете? – сердобольно поинтересовалась Раиса Петровна. – Тяжко, небось, цельный-то день на блокпосту, один сухпай, поди, жрете-то. А пирожочек-то с ливером, домашний, можно сказать, сама пекла...

Добила растерявшегося бойца псина Олега Игоревича. Подошла, деловито обнюхала, вильнула хвостом и спокойно вытерла слюни о камуфляжные штаны.

– Проходи! – не выдержал такого дружелюбия боец. – Быстро! А то встали тут, понимаешь ли, полдороги перегородили.

Пряча ухмылку, Контейнер повел свой отряд в Керчь.

«А команда, – подумал он мельком, – у меня ничего. Неплохая команда. Сработаемся!»

* * *

На улицах Керчи пахло страхом – фигурально выражаясь, конечно же.

Запах стоял обычный: густой и плотный аромат конского навоза и дизельного топлива, гниющих отходов и перезрелых фруктов, пыли и грязи, раскаленного металла и горящих костров, где сжигали мусор. Откуда-то тянуло жарящимся шашлыком, пыхтел тандыр в татарской забегаловке и кисло воняло капустой из больших железных бочек.

На первый взгляд на улицах Керчи, а именно – в окрестностях центрального базара, все было как всегда. Люди торговались, ссорились, кричали, воровали кошельки и били морды, ругались из-за места на дороге и места в торговых рядах, но при этом – вели себя странно. Не то что бы совсем тихо – но на полтона ниже, чем обычно. И все время пришибленно озирались – кто на флаги Союза Вольных Городов Крыма, расставленные щедро, на каждом углу, кто – на солдат в разномастном камуфляже, увешанных оружием, как новогодняя елка – игрушками, кто – на молчаливых и неприметных личностей, шнырявших в толпе. Несмотря на все усилия, на лбах этих самых личностей будто бы было написано: «соглядатай», «шпик», «стукач»...

Еще из примет нового времени выделялись бронетранспортеры – такие же разномастные, как и солдаты. Были тут и древние «БТР-80», и американские «Хаммеры» и «Страйкеры», и относительно целые (вернее, ухоженные) «Тигры», и всякого рода самодельные, обшитые ржавыми бронеплитами и решетками против кумулятивных гранат «Уралы» и «узики».

Военная техника, судя по реакции местных, давно и прочно прописалась на улицах Керчи.

В воздухе веяло предчувствием большой войны.

С разобранным «калашом» в рюкзаке и жалким «макаркой» за поясом Контейнер чувствовал себя почти голым. Не дай бог какая заварушка – сразу сбегутся пятнистые мальчишки с пальчиками на спусковом крючке. А с таким разношерстным табором особо не повоюешь...

Впрочем, до постоянного двора добрались без приключений. Заселились, заняв все свободные комнаты – Пеева, Зяблик и Раиса Петровна в одной, Шифр с Ренькасом в другой, а Контейнер с капитаном Олегом Игоревичем и лохматой тварью – в третьей. Собака тут же облюбовала себе одну из кроватей, всем своим видом намекая, что Контейнер с капитаном поместятся на второй, ну или пусть ютятся на коврике, ей, собаке, все равно, никуда она с кровати не уйдет.

– Брысь отсюда, – осторожно приказал Контейнер, покосившись на Олега Игоревича. Тот робко кивнул, и псина, совершенно по-человечески вздохнув, грузно спрыгнула с кровати.

Контейнер тут же застолбил место, швырнув на кровать рюкзак, и сказал:

– Мыться и жрать. Собираемся в харчевне.

Харчевня при постоялом дворе оказалась на диво хороша – беляшей, правда, пришлось ждать сорок минут, зато пиво было свежее и холодное, да и беляши заслуживали столь долгого ожидания. Даже Раиса Петровна одобрительно кивнула, выражая профессиональное уважение местному повару. Остальные же молча накинулись на горячую еду, первую за неделю. Мясной сок стекал по подбородкам.

Отвалившись от стола, Контейнер распорядился:

– Задача на сегодня. Рассредоточиться. Попарно. Раиса Петровна – с Шифром. Пеева – с Ольгой. Капитан – с Ренькасом. Я пойду сам. Побродить по городу. Меньше говорить, больше слушать. Вечером собираемся здесь. Обмен слухами. Систематизация полученной информации. Составляем план на завтра.

– Чё слушать-то? – поинтересовался немногословный обычно Шифр.

– Все. В первую очередь – кто в городе главный. У кого власть. Кому подчиняются люди с оружием. Кого бояться. Кто хочет главного подсадить или свергнуть. Какие настроения в народе.

– И зачем это нам? – спросил Ренькас.

– Затем, – веско ответил Контейнер, – что из слухов можно будет понять текущую ситуацию и составить план дальнейших действий. Наш клан был опорочен и уничтожен не просто так. Это элемент большой игры. И когда мы разберемся, кто сейчас при власти, может быть, найдем ниточки, ведущие к главным игрокам. Все понятно?

– Так точно, – ответил Олег Игоревич.

Атаманша Пеева только вздохнула. Привычка Контейнера к армейскому канцеляриту и армейской же субординации ее раздражала уже не первый день.

«Ничего, – подумал Контейнер. – Привыкнешь, бандитка доморошенная. И не таких обламывали».

– Если вопросов больше нет, – заключил он, – приступайте. И помните: наше дело разведка, а не диверсии и война. Так что – по-тихому, без шума и пыли...

Идея побродить по городу и собирать слухи оказалась не такой уж и продуктивной. Конечно же, Контейнер начал с базара – где ж еще окунуться в атмосферу Керчи сегодняшней, перепуганной и напряженной. Но торгашаи оставались торгашаи всегда, даже накануне большой войны (в наступлении которой Контейнер не сомневался, все к тому шло). Продавцы овощей яростно торговались за каждый медяк, жестянщики нахвалявали свое барахло, покупатели ныли из-за дороговизны (цены буквально за месяц взлетели втрое), коммерсанты оправдывались стандартно – мол, что вы хотели, и соляра подорожала, и овес, про патроны нечего уж и говорить, при таких расценках нормальный наемник обходится на вес золота, дешевле уж прикладом бить, чем стрелять.

Контейнер где-то часика полтора циркулировал в толпе, слушая, нюхая, наблюдая, то и дело натываясь то на Пееву, то на Ренькаса, то на Олега Игоревича с его псиной – члены команды тоже мудрить не стали и поперлись на рынок. Все было стандартно и шаблонно, никакой новой информации не несло. Контейнер совсем уж было разочаровался в своей идее и собрался идти напрямую к городскому управителю Керчи, когда на рыночной площади началось странное.

Он даже не сразу понял, что именно привлекло его внимание. Просто люди вокруг начали говорить на полтона ниже, движения стали чуть суетливей, взгляды опустились к земле.

Потом наметанный глаз Контейнера вычленил из толпы высокого и худого старика – классического такого восточного старца с крючковатым носом и обтянутым пергаментной кожей черепом. Казалось бы – старик как старик, таких на улицах Керчи тринадцать на дюжину, но Контейнер интуитивно почувствовал: не простой старик. Совсем не простой. Во-первых, взгляд. Цепкий, как у ястреба, все подмечающий. Во-вторых, одежда. С виду – старая, потрепанная, самая заурядная, а вот ботинки – новенькие, с «гортексом» и на «вибраме», явно с армейских складов, стоят такие – будь здоров! И под курточкой под мышкой знакомо топорщится кобура. Да и куртка явно великовата для жилистого старца, однако не висит мешком, а облегает плотно. Или старик чрезмерно накачан, или – что более вероятно – надел бронезилет.

И выражение лица – властное, брезгливое, надменное. Лицо человека, привыкшего управлять.

Что же он делает в толпе? Играет в Гаруна аль-Рашида? Хождение в народ?

А где его охрана? Контейнер пригляделся. Когда он знал, что искать, вычислить телохранителей оказалось проще простого.

Пятеро. Подтянутые, спортивные. В неброских балахонах, под которыми можно спрятать что угодно, хоть гранатомет. В удобных кроссовках. Защитные очки. Tактические кепки. И – финальный штрих – витой шнурок от уха к воротнику, гарнитура рации. Двигаются слаженно, как детали хорошо смазанного механизма. Четко выдерживают дистанцию до старика, держат сектора обстрела.

Взвесив все «за» и «против», Контейнер решил приблизиться (очень аккуратно, чтобы не положили мордой в землю) и познакомиться со стариком. Такой шанс упускать было нельзя.

Но стоило только Контейнеру двинуться в сторону старика, как на площади началось непонятное оживление. Торговцы засуетились, солдаты забегали, дети начали перекрикиваться, залаяли собаки. Торговые ряды спешно сдвигали в стороны, пару прилавков опрокинули, яблоки и персики рассыпались по земле к вящей радости детишек. Откуда ни возьмись на площадь высыпали солдаты в разномастном камуфляже и одинаковых коричнево-зеленых повязках на рукавах – как уже выяснил Контейнер, так обозначали себя бойцы армии Союза Вольных Городов Крыма.

Потом на площадь грузно и степенно выехал БТР – старый, битый, мятый, похожий на слона с обломанными бивнями. На башне торчали два мегафона, откуда донеслось неразборчивое рывканье:

– Прижаться к обочине! Пропустить кортеж! Не создавать помех! Будем стрелять на поражение!

А уж следом за бэтээром выехал собственно кортеж. В окружении десятка байкеров на разнокалиберных мотоциклах – от кроссовых «ямах» до тяжелых «Уралов» и «харлеев» – и дюжины всадников, вооруженных нагайками – татар, судя по внешнему виду, на рыночную площадь вольного города Керчь выехал самый странный экипаж из всех, виденных Контейнером за долгую, насыщенную приключениями жизнь.

Когда-то очень давно, еще до Катастрофы, это был автомобиль класса «люкс», известный под официальным названием «Чайка» и прозванный в народе «членовозом». Время его не пощадило, а крымские механики-умельцы сделали, что могли. Заменили колеса на гусеничные блоки. Приделали спереди небольшой таран, сваренный из обломков железнодорожных рельс. Матерчатую крышу бывшего кабриолета заменили кубом из пуленепробиваемого стекла. Двери укрепили решетками против кумулятивных гранат. На месте багажника оборудовали пулеметное гнездо со спаренным зенитным пулеметом. Из бортов торчали шипы, призывающие соблюдать положенную дистанцию между правителем и народом.

А в прозрачном (хоть и слегка помутневшем от времени) кубе сидел правитель Керчи, мэр Вольного Города Иван Зарубка.

Такой вывод Контейнер сделал из восхищенного выдоха толпы:

– Правдоруб едет! Сам Правдоруб! Посторонись!

Иван Зарубка, прозванный в народе Правдорубом, больше всего походил на гигантскую карикатуру, этакого складчатого человечка с древних рекламных щитов – то ли «мишлен», то ли «мишелин». Был он не просто толстый, а чудовищно жирный, весь в складку, с мучнистой кожей и рыхлым, одутловатым лицом. На вид – типичный даун, но глазки, утонувшие в складках плоти, смотрят внимательно – радуется ли народ своему властителю, выражает ли достаточную степень восторга и энтузиазма? Нет? А если нагайкой? Вот, так-то лучше...

Следуя подсказке интуиции, Контейнер обернулся на высокого старика. При появлении «членовоза» с Правдорубом тот весь подобрался и хищно вытянулся, точно гончая собака в охотничьей стойке.

«Сейчас что-то будет», – понял Контейнер.

Старик на мгновение поднял взгляд. Листоноша последовал его примеру.

На крыше ближайшего дома – бывшей аптеки, а ныне наркопритона – происходило какое-то шевеление. Силуэты людей, длинная палка... нет, не палка. Труба. Гранатомет.

На Правдоруба готовилось покушение. Среди бела дня. Прямо в толпе. И плевать было злоумышленникам на случайные жертвы.

Контейнер остро пожалел, что оставил «калашников» в номере. Таскаться по городу с автоматом по нынешним временам было бы, конечно, верхом идиотизма, но в такой ситуации огневой мощи «макарова» будет явно недостаточно...

Он завертел головой, прикидывая, у кого из солдатиков будет проще всего забрать оружие, и заметил Ренькаса, озадаченно глядящего по сторонам.

– Старпом! – крикнул Контейнер. – Сверху!

Ренькас вскинул голову, увидел торчащую с края крыши трубу гранатомета и сразу все понял. Щуплый, но проворный Ренькас ввинтился в толпу и уже через пару секунд нырнул в двери аптеки. Изнутри донеслись возгласы удивления и звуки ударов, потом – падающих тел.

Но Ренькас не успел всего лишь на мгновение. Гранатомет выстрелил. Странно, но целились убийцы не в «Чайку» Правдоруба, а в бэтээр – и попали. Тот сразу вспыхнул, задымил и через секунду взорвался.

Толпа завизжала и бросилась врассыпную. Конные охранники с трудом удерживали вздыбленных лошадей, байкеры, сбитые взрывной волной, пытались подняться на ноги, придавленные мотоциклами.

Когда много людей в панике бежит навстречу тебе, очень сложно двигаться наперерез, вопреки людскому потоку. Контейнера вырвала врожденная масса тела, помноженная на ускорение. Он ломился вперед, как грузовой локомотив, сшибая встречных, точно кегли. Краем глаза заметил, как к опаленной, но все еще целой «Чайке» бежит, огибая паникующих горожан, атаманша Пеева.

Стрелок на крыше, видимо, перезаряжал гранатомет – но бравый старпом Ренькас не дал ему этого сделать. Хлопнула пара пистолетных выстрелов, и до крайности удивленный стрелок, огласив окрестности стоном, рухнул с крыши вниз, прямо на прилавок с давленными гнилыми абрикосами.

Контейнер успел заметить, как опешил от такого поворота событий худой старик – замер, открыв рот и расставив руки в жесте отчаяния, – а потом Контейнеру стало не до того: надо было спасать Правдоруба. Лучшего способа втереться к нему в доверие не существовало: спасти от покушения, Контейнер о таком случае и мечтать не мог!

Подбежав к «Чайке», Контейнер вышвырнул из-за руля совершенно ошалевшего, слегка контуженного и дико паникующего водителя и нырнул внутрь бронелимузина.

– Ты кто такой? – завизжал Иван Зарубка. Голос у него оказался до крайности противный – фальцет, не сочетающийся с грузной фигурой.

– Сознательный гражданин, – буркнул Контейнер, разбираясь в рычагах и педалях.

За бортом «членовоза» продолжали происходить странные события. Люди в черных лыжных масках, вооруженные новенькими автоматами «Крисс-Вектор» с глушителями и лазерными целеуказателями, деловито шли через толпу, расстреливая всех, кто становился у них на пути.

Спортивного вида молодчики в балахонах – охрана худощавого старика – вытащили из-под одежды укороченные «калаши» и так же деловито, не демонстрируя ни малейших признаков удивления, начали зачищать киллеров в масках.

Завязался бой.

Один из телохранителей рыпнулся было к «Чайке», но попал в цепкие руки Пеевой. Атаманша взяла его на удушающий захват, стиснула – и телохранитель обмяк. Дорога была свободна.

Контейнер выжал педаль газа, и «Чайка», взревев двигателем и пробуксовав гусеницами по древнему асфальту, увезла перепуганного Правдоруба с опасной площади.

* * *

В подвале мэрии было холодно и сыро. Вниз вела узкая лестница, по которой с трудом спустились Контейнер и Правдоруб в окружении крайне взбудораженной охраны. Еще бы, не каждый день во двор мэрии Керчи пригоняют обстрелянную и опаленную огнем «Чайку» с насмерть перепуганным мэром и незнакомым водителем, комплекцией напоминающим шкаф.

Все еще ожидающий повторного покушения Иван Зарубка визгливо приказал:

– В подвал! – и охрана с энтузиазмом подчинилась.

Как вести себя с Контейнером, инструкций не поступало; надевать наручники на могучего детину охранникам было боязно, вручать медаль «За спасение Правдоруба» – пока рановато. Ограничились тем, что предложили стул и стакан воды.

Мэр Правдоруб взгромоздился на циклопическое сооружение, некогда бывшее креслом, и усиленное контрфорсами из арматуры, дабы трон мог выдержать вес сидалища нынешнего обладателя.

– Ты кто такой? – все так же подвизгивая от страха, спросил он.

Кто-то из холуев принес ему графин с вином, и пока Зарубка жадно хлебал, у Контейнера появилась возможность продумать легенду.

– Телохранитель по найму. Вольный стрелок, – наконец ответил листоноша.

– Та-а-ак, – протянул Правдоруб, утолив жажду. – А может, ты убийца по найму? Ассасин?

Контейнер пожал плечами:

– Был бы я убийцей – вы были бы уже мертвы.

– Логично, – Правдоруб зачмокал губами и запустил жирную пятерню в поднос с медовой пахлавой. – И кто тебя нанял? – жуя, спросил он.

– Пока никто.

– А чего тогда полез в драку? – подозрительно прищурился мэр Зарубка. Сладкий сок стекал по тройному подбородку.

Контейнер опять пожал плечами:

– Рефлексы. Я же телохран. Вижу – покушение. Привычка сработала. Сделал эвакуацию охраняемого лица...

– Хм-м-м... А может, выпендриться захотел? Зарекомендовать, так сказать, себя? Чтобы потом продать подороже?

– Может, и так. Разве ж это плохо?

– То есть ты считаешь, что моя охрана никуда не годится? – вкрадчиво спросил Зарубка.

– А разве не очевидно? – удивился Контейнер. – Они ж разбежались при первом выстреле!

Зарубка тяжело задышал. Видно было, как обидно ему это слышать, но против фактов не попрешь.

– Ты знаешь, кто я такой? – спросил мэр.

– Знаю, – кивнул Контейнер. – Мэр Керчи Иван Зарубка.

– А прозвище мое знаешь?

– Угу. Правдуруб.

Зарубка скривился, как от зубной боли.

– Мало кто дерзает называть меня так в лицо... – процедил он.

– Почему? – опять удивился Контейнер. – Хорошее прозвище.

– Меня так прозвали за то, что я рублю головы тем, кто режет мне правду-матку в лицо! – заверещал Правдуруб.

«Ох ты ж, – мысленно засмеялся Контейнер, – ну и дурак же ты, мэр. Видимо, ты думаешь, что твоя истерика должна вселять в подчиненных ужас... Хотя, наверное, будь я гражданином Керчи, я бы испугался. Невесело жить под началом жирного дурака-психопата».

– Я – телохранитель, – повторил Контейнер. – А с телохранителем – как с врачом. Только правду. Иначе можно и погибнуть ненароком. Если я говорю – дерьмо ваша охрана, так оно и есть. Сборище кретинов, кто их вообще готовил? Никакого взаимодействия, бегут, кто куда, палят в белый свет. Если б не я – вы бы там и остались на площади. Это – правда. Считаете, что за нее мне надо отрубить голову?

Ответить Правдуруб не успел. Дверь в подвал распахнулась, и внутрь вошли Пеева и Ренькас, изрядно помятые и в наручниках. Конвоировали их приснопамятные молодчики в балахонах, с укороченными АКСУ в руках. Замыкал процессию хищный старик.

– Ферзь! – вскинулся Правдуруб. – Ты здесь! Это хорошо!

«Ага, – сообразил Контейнер. – Старик – это Ферзь, легендарный заместитель Правдуруба. Интриган, говорят, еще тот».

– Рад, что ты жив, Иван, – скрипуче заявил старик. – Моя охрана задержала двух террористов.

– Сам ты террорист, – проворчал старпом Ренькас и легко, будто издеваясь над охраной, стряхнул наручники.

Атаманша Пеева напрягла могучие плечи и резким рывком порвала пластиковые браслеты. В мгновение ока оба оказались свободны.

Охранники старика вскинули автоматы, Правдуруба от повторной опасности едва не хватил кондратий, обстановка в подвале накалилась донельзя, и тут Контейнер рывкнул:

– Тихо все! Отставить!

Все замерли. Первым заговорил Ферзь.

– Давно я тебе говорил, Иван, что охрана твоя – так себе. Да и моя, как выясняется, тоже...

– Это не террористы, – пояснил Контейнер. – Старпом, отдай автомат. Ната, спрячь нож. Это мои бойцы. Из моего отряда. Тоже – вольнонаемные. На площади оказались случайно.

Ферзь скривился. Видно было, что появление Контейнера, Пеевой и Ренькаса спутало ему какие-то сложные, далеко идущие планы.

Старпом и атаманша тем временем разоружились, и обстановка стала постепенно успокаиваться.

Правдуруб вытащил откуда-то жестяную коробочку и воровато проглотил желтую пилюлю. Ферзь последовал его примеру. В пилюлях Контейнер с удивлением распознал анти-нуклидовые таблетки.

«Откуда у них? Неужели из Бункеров Возрождения?»

– Так, – проскрипел Ферзь. – Теперь, когда мы все успокоились, предлагаю удалить посторонних, сесть и во всем разобраться.

На слове «посторонних» старик выразительно посмотрел на Контейнера, Ренькаса и Пееву. Контейнер ответил тяжелым взглядом.

– А может, для начала стоит разобраться, кто стоит за покушением? – предложил листоноша.

– Ваше какое дело?! – прошипел Ферзь.

– Ни фиги себе расклад! – возмутился Ренькас. – Как под пули лезть – так это наше дело, а как разбираться – давай, мол, до свиданья! А может, нам тоже интересно, кто это в Керчи так невзлюбил Правдоруба!

При упоминании своего прозвища Иван Зарубка помрачнел, но промолчал.

– Парень прав, – кивнул Контейнер. – Раз уж мы увязли в этой заварухе, то никакие мы не посторонние. Вмешавшись, мы могли легко стать кровниками каким-нибудь отморозкам с гранатометами.

– А вас никто не просил вмешиваться! – совсем уж по-змеиному прошипел Ферзь.

Тут до Контейнера начало доходить. А не мерзкий ли старикашка стоял за неудачной попыткой расстрелять кортеж мэра? Правят они Керчью вдвоем, а по слухам, после Джанкойской резни и уничтожения клана Листонош, и весь Союз Вольных Городов Крыма оказался у них под пятой. Если бы Ферзю удалось убрать Правдоруба, вся власть оказалась бы сосредоточена в руках старого интригана; а если нет – Ферзь приписал бы своей охране все заслуги по спасению драгоценного жирного тела Ивана Зарубки, укрепил бы, так сказать, свою позицию. Хитрый план, но Контейнер спутал ему все карты...

– Я думаю, – встряла в разговор атаманша Пеева, – что это могли быть листоноши. Ну эти, мутанты-недобитки.

Контейнер аж поперхнулся от такой наглости.

– У них нет причин любить нынешнюю власть, – как ни в чем не бывало продолжала нести пургу атаманша. – А поводов для мести – более чем достаточно.

– Листоноши, – пробормотал Правдоруб и слегка побледнел. – Неужели они думают, что чемоданчик у нас?!

– Какой еще чемоданчик? – вкрадчиво поинтересовался Контейнер.

– Не вашего ума дело! – отрезал Ферзь.

– Да ладно тебе! – махнул жирной рукой Зарубка. – Я ему доверяю. Честный наемник, работает за деньги. Нет ничего надежней преданности человека, которого можно купить.

– Ага, пока его не перекупят, – сварливо возразил Ферзь.

– Кто? – спросил Правдоруб. – Мы – самые богатые и сильные люди Крыма. У нас вся власть и все деньги. Если мы заполучим чемоданчик Серебряной Маски, все попытки свергнуть власть Союза Вольных Городов будут обречены на неудачу. Чего нам бояться?

Контейнер слушал, наострив уши. Особым умом нынешние властители Крыма не блистали и вполне могли проболтаться о чем-то важном. Например, кто эта загадочная Серебряная Маска, и что в искомом чемоданчике?

Молодой же да рьяный старпом Ренькас сразу взял быка за рога:

– Если кто чего спрятал, – сказал он безапелляционно, – другой завсегда найти сможет. За соответствующую плату, разумеется. Мы готовы, да, командир? – проявил он подобие субординации, поглядев на Контейнера.

«Шею бы тебе намылить, нахал молодой», – мрачно подумал Контейнер, но на всякий случай кивнул. Вдруг получится...

– Искали тут некоторые! – скрипуче рассмеялся Ферзь. Глаза его горели жадным огнем. Видимо, тема чемоданчика всерьез взволновала старика. – Чемоданчик этот, к вашему сведению,

нию, прятал не кто-нибудь, а сам Филателист, ныне уже покойный, глава клана мерзких мутантов-листонош, ныне, слава богу, уже не существующего.

Контейнер скрипнул зубами, но промолчал. «Это ты, козел старый, думаешь, что нас больше нет. А мы – есть. И клан возродится, точно мифическая птица Феникс из пепла. И Филателист будет отомщен».

– Филателист поручил этот злополучный чемоданчик некоему Сургучу, но того перевербовал Рыжехвост, подручный Серебряной Маски. Теперь все они – и Филателист, и Сургуч, и Рыжехвост мертвы! Где Серебряная Маска – никто не знает! Куда делся чемоданчик, остается только гадать!

– Кажется, я знаю, где он может быть... – задумчиво проговорила атаманша Пеева.

– Где?! – чуть ли не хором вскинулись Правдуроб и Ферзь.

– На Казантипе. Рыжехвост приезжал туда незадолго до старокрымской резни. Тусил с местными бандитами, вербовал людей. И повсюду таскал с собой железный кейс с кодовым замком. Поговаривали, что там слитки золота, только уж больно легко он его таскал. А уезжал он уже без кейса. Наверное, спрятал где-то...

– Чего ж ты раньше молчала?! – завопил Ренькас.

– Так откуда я знала, что этот чемоданчик такой важный? – удивилась Пеева. – Чемоданчик как чемоданчик, на Казантипе многие с чемоданчиками ходят, преимущественно желтыми, – традиция такая, символ фестиваля. А про Серебряную Маску я вообще первый раз слышу...

«Да, – подумал Контейнер. – Так оно и бывает – когда драгоценный приз у тебя под носом, а ты ни сном, ни духом о его ценности и важности. Потом до крайности обидно».

– Казантип... – повторил Ферзь задумчиво. – Хреново. По слухам, там сейчас полный хаос и анархия, были случаи каннибализма. Без армии туда соваться опасно.

Атаманша Пеева фыркнула.

– Да ладно, можно подумать раньше на Казантипе была тишь да благодать! – хохотнула она. – Я там сколько лет атаманствовала, и скажу я вам – туда с армией соваться неблагодарное дело. Казантип, знаете ли, имеет свойство морально разлагать личный состав.

Контейнер принял решение.

– Если чемоданчик на Казантипе, – сказал он медленно, – мы его добудем. Безо всякой армии. Но за соответствующее вознаграждение.

Правдуроб жадно потер толстые ладошки и быстро спросил:

– Договорились! Что вам для этого надо?

– Оружие, – ответил Контейнер. – Много оружия.

Глава 2

Дорога на Харьков

Прощание вышло тяжелым. Бандеролька с группой Верховцева уходила далеко – в те края, где листоноши еще не бывали, где все по-другому, и даже климат не тот. С ней шел Воловик, а Зиняк и Стас – старые друзья – оставались в Остроге. Еще с Бандеролькой отправлялся опытный Телеграф, заявивший, что в его возрасте пора уже мир повидать, неугомонный юнец Костя (этого попробуй не возьми!) и, конечно, Кайсанбек Аланович, нашедший в докторе Верховцеве родственную душу.

Острог, конечно, был беднее Цитадели, и снарядить сразу две экспедиции городу оказалось не по плечу. Автомобиль нашли – полноприводную «Ниву», переделанную местными умельцами в неубиваемый, безопасный, но чрезвычайно много топлива жрущий внедорожник, выдали еду и кое-какие боеприпасы, но Бандеролька понимала, что этого мало.

Отряд Контейнера собирался пополнить запасы в Керчи, да и вообще, в Крыму листоноши представляли, где и что можно найти. Выдвигающимся на поиски Бункера было сложнее.

Бандеролька сидела у себя в комнатухе, по-прежнему заваленной коробками с архивом листонош, вместе с криптоаналитиком Шифром, Кайсанбеком Алановичем и доктором Верховцевым. Прямо поверх коробок была расстелена древняя бумажная карта. Ученые сверялись с распечатками и спорили о ширине, долготе, километрах. Бандеролька не вникала. Она полуприкрыла глаза и откинулась на подушку, то задремывая, то выныривая на поверхность. За окном шумели – там командовал громогласный Контейнер, да периодически взлаивала собака Олега Игоревича.

– Фарерские острова, – говорил Шифр, – я уверен в этом. Конкретно – остров Шпицберген.

– Не буду спорить, – пробасил Кайсанбек Аланович. – Но как же далеко!

– А как далеко? – Бандеролька села и протерла глаза.

Мужчины смотрели хмуро, Верховцев нервно оглаживал седой ежик и поправлял повязку.

– В северной части Атлантического океана, – Кайсанбек Аланович ткнул в верхний край карты, выше большого острова, похожего на даму в платье и шляпке. – Это – Британия, вот здесь – Дания. А мы тут.

Бандеролька прикинула расстояние. На карте мира Крым казался совсем маленьким...

– А как мы туда доберемся? – спросила она. – Там же море. И вообще. Это что, через всю Европу?!

– Особого выбора нет, – «утешил» Кайсанбек Аланович. – Но над техническим оснащением экспедиции я предлагаю подумать. Нам понадобятся надежные средства передвижения...

– И корабль. А лучше – батискаф, – заметил Верховцев.

– И переносная радиостанция! – оживился Шифр, которому все, выходящее на пределы мешанины символов, было глубоко по фигу.

– И где мы их найдем? Ладно, давайте пока не думать о батискафе. Но где мы доставим автомобиль? Имеющийся просто развалится. И потом, – Бандеролька снова посмотрела на карту, – нам придется идти через очаги поражения. Нам нужна защита. Даже листоноши не выживут в центральной Европе. Там же бомбы рвались...

Все приуныли. То есть, Бандеролька надеялась, что не приуныли, а погрузились в глубокие размышления.

– И еще нам нужно будет оружие, – сказал Верховцев. – Аборигены и мутанты. Известно, что хуже.

– Я предполагаю, что вы, жалкие и ничтожные личности, сейчас присматриваете прямой и наикратчайший путь? – Кайсанбек уже улыбался. – Нормальные герои, как говорилось во времена моей глубокой юности, всегда идут в обход. Нам нужно посетить большие города. Там мы имеем все шансы найти единомышленников и необходимое снаряжение.

Верховцев снова поправил повязку:

– Вы предлагаете идти через Киев?

– Я не стал бы соваться в Киев без современного оружия. Я предлагаю ехать через Запорожье и Харьков. Потом уже – Киев и, может быть, Москва.

– Это же крюк какой! – поразился Верховцев. – Ну-ка, ну-ка, прикинем...

– Уважаемый доктор, я уже все прикинул. Вот, посмотрите: мы можем подняться по реке до разрушенной ныне ГЭС, но я бы не рискнул идти по воде, к тому же, у нас автомобиль, а не лодка. Поэтому логичнее будет доехать до Мелитополя – относительно безопасное направление, – а после уже по шоссе – до Запорожья и Харькова. До Мелитополя нам – около двухсот пятидесяти километров, а всего – чуть больше восьмисот. Даже на «Ниве» довольно быстро...

– А если быть реалистами, то на «Ниве» нам ехать дня три, – буркнул Верховцев.

Бандеролька с ним согласилась. Даже учитывая, что путешествие до Мелитополя может быть относительно спокойным, так как дорога пролегает по местам почти необитаемым и относительно чистым, дальше – Запорожье и Харьков... Бандеролька раньше даже не слышала этих названий и теперь ощущала внутри что-то вроде щекотки: она повидает мир.

– Три дня – не так много, – решила Бандеролька. – Вы уверены, что в Запорожье и Харькове мы найдем необходимое? И зачем оттуда в Киев, нелогично как-то? Не проще сразу на север?

– Москва очень грязная, – напомнил Кайсанбек Аланович, – и мы даже не представляем, что происходит в ее окрестностях.

* * *

Уходили после отряда Контейнера, ранним утром следующего дня, когда Острог еще спал, и лишь часовые в желтой защитной форме несли службу. Для города наступило трудное время ожидания: если эр-чума подберется ближе, если будут зарегистрированы новые случаи заболевания, жителям придется отходить. Все понимали это, и настроение было траурным, а Триумвират дружно вытирал заплаканные глаза.

«Нива» фырчала и воняла, ее, как и автомобиль группы Верховцева, потрепанную «Волгу» со спиленной крышей на твердотопливном котле, загнали на паром и переправили на берег. Город остался за спиной. Впереди, насколько хватало взгляда, простиралась заросли тростника – изумрудно-зеленые, сочные – и мелькали над ними птицы.

– Тут есть шоссе, – Верховцев показал направление Телеграфу, сидящему за рулем «Нивы». – Я им несколько раз пользовался. Живности хватает, но дорога безопасная.

– Расслабляться все равно нельзя, – ответил самый старший листоноша.

Бандеролька разглядывала ассистентов Верховцева: в суете сборов так толком и не познакомились. Видно, что команда сработанная, опытная, но кто что из себя представляет, понятно будет позже, в походе. Марика, например, выглядит абсолютно безопасной, а Игорь – погруженным в мечты. Вот Влад – да, видно, что профессионал... С другой стороны, Кайсанбек Аланович вовсе не производит впечатление опытного бойца, а Костю хочется обнять и накормить. Да и Телеграф в силу возраста кажется ни на что не годным. А Шифр постоянно витает в облаках. А вместе – сила. «Поживем – увидим», – решила Бандеролька.

Свежий ветерок приятно обдувал лицо, было влажно, прохладно и удивительно мирно. Пахло близким морем, пахло зеленью и речной водой, и предстояло долгое путешествие.

Решено было ехать колонной, Верховцев впереди, листоноши следом (просто потому, что доктор знал дорогу). На штурманском месте рядом с Телеграфом устроился Кайсанбек Аланович, а Бандеролька, Воловик, Шифр и Костя – на заднем сиденье. В тесноте, да не в обиде. Воловик и Бандеролька сели по краям, чтобы держать сектора и отстреливаться, если что.

Тронулись.

Бандеролька честно смотрела направо и назад, но ничего, кроме тростника, видно не было. Разве что стаи птиц с криком и хлопанием крыльев взлетали к небесам и кружили там. Костя заскучал и принялся болтать: о том, что успел подсмотреть в Остроге («а здорово там у них, что бабы... прости, Бандеролька, женщины правят, правда? А у них тоже обучение как в Цитадели?»), Шифр вытащил из-за пазухи бумажки и внимательно их изучал, Воловик не реагировал. Бандеролька пыталась внушить себе, что в зарослях тростника может скрываться опасный зверь, но по-прежнему было спокойно, только трясло сильно, так, что копчик разболелся.

Шоссе здесь, наверное, было, но давным-давно, а после Катастрофы и отделения Крыма рельеф изменился, и от дороги осталось только направление. Бандеролька представила: две с половиной сотни километров – это часов пять при такой скорости передвижения. Пять часов скуки и тряски. Конечно, придется делать привалы.

Шум не позволял расспросить Кайсанбека Алановича поподробнее о маршруте, и Бандеролька стала припоминать узнанное вчера.

Мелитополь, как говорил Верховцев, необитаем. Когда-то в городке было больше ста пятидесяти тысяч человек, и через него проходила крупная железнодорожная ветка. Теперь – пусто. По сведениям доктора, из города ушла пресная вода, и вслед за ней привычное место покинули люди и звери.

До Мелитополя – тоже пусто. В тростниках – заводи и болотца, но ту воду пить нельзя. Говорят, рыбы много. Точно много птицы. И комаров. И все.

Из Мелитополя надо будет повернуть на север. Крупное шоссе идет к Запорожью, промышленному центру, и дальше – в Харьков, огромный по меркам знакомого Бандерольке мира город. Тут все окутано легендами, и жители Острога, казалось бы, материковые, толком ничего не знают. Обрывки информации: в Запорожье когда-то была ГЭС, вроде бы, давала электричество из воды. Как – непонятно, Кайсанбек Аланович объяснял, но Бандеролька не запомнила. Там же, в Запорожье, были заводы по производству автомобилей и чего-то еще. Вроде бы, город до сих пор обитаем, и местные называют его «Городом молодости и смеха».

А потом – Харьков. Был вторым по численности после столицы Украины – Киева, и Бандеролька, как ни пыталась, не могла представить себе миллионы людей, бродящих по улицам. Фон там должен быть высоким – все крупные населенные пункты бомбили... И тем не менее, там живут. По крайней мере, по сведениям Триумвирата. В Харькове должно быть оборудование, должны найтись единомышленники. А куда двигаться дальше – лучше и не загадывать. Почти тысяча километров пути – выжить бы.

Стая птиц над тростниками вела себя странно, и этим привлекла внимание Бандерольки.

Пернатые заворачивались воронкой, будто монолитный организм, и вдруг эта масса ухнула вниз, в заросли – камнем. Бандеролька вскрикнула от неожиданности, и только спустя долю секунды, когда птицы брызнули осколками во все стороны, беспорядочно, словно в панике, обратилась к водителю:

– Телеграф! Опасность – слева!

– Опасность вижу! – отозвался Кайсанбек Аланович, проворонивший все на свете. – Продолжаем движение!

– Опасность справа!!! – не своим голосом заорал Воловик. – И сверху!!!

Идущая впереди «Волга» резко остановилась, и Телеграф затормозил так, что машина взвизгнула, а пассажиров бросило вперед. Бандеролька этого почти не заметила: она наблюдала за творящимся в небе.

Там метались уже тысячи пернатых – от стрижей до крупных хищных птиц. Все они кричали и выделяли в воздухе невообразимые кульбиты, будто тренировались специально, чтобы удивить людей. Свечой взлетали вверх, падали, сложив крылья, сталкивались. Кружась, опускались на землю перья – черным и серым снегом.

– Ни фига ж себе! – выразил общую эмоцию непосредственный Костя. – Они что, все дружно с ума посходили?!

– Жалкая вы, Костя, ничтожная личность! – отозвался Кайсанбек Аланович, внимательно рассматривавший очки – не пострадали ли в результате экстренного торможения. – Нет у птиц «ума» в нашем понимании, и расстройств личности быть не может. Я бы предположил психократа.

– Кого-кого? Психопата? – не понял Воловик.

Бандеролька тоже не поняла, но решила не переспрашивать.

– Психократ. – Верховцев подошел к «Волге» и оперся на капот. – Мутант, обладающий столь сильными телепатическими способностями, что может повелевать другими особями.

– В голову торкает, – перевел Воловик и кивнул. – Ну да. Нужно его найти – и убить. А можно не находить, а ехать дальше – если до сих пор не торкнул, слабоват он против человека.

– Я бы не был столь уверен, – Верховцев посмотрел в небо и скривился. – Дело в том, что мы остановились не по своей воле. У нас заглох двигатель.

– Ну, коллега, это бывает, учитывая устройство данных драндулетов.

– А мне кажется, все не так просто...

Пока ученые мужи препирались, Бандеролька сочла лучшей стратегией выбраться из автомобиля и осмотреться. Ассистенты Верховцева поступили подобным образом: оцетинившись оружием, у кого какое было, они высыпали на дорогу. Влад, тот, что с оселедцем, аж пританцовывал от нетерпения, Марика смотрела на птиц, разинув рот, а тощий брюнет Игорь, кажется, по-прежнему витал в облаках. По крайней мере, выражение его лица оставалось мечтательным, а взгляд – расфокусированным. Под глазами у юноши набрякли заметные при ярком свете синяки, столь основательные, что Бандеролька заподозрила: Верховцев помощника бьет по голове. Наверное, чтобы привести в чувство.

Телеграф тоже покинул автомобиль и спросил у Влада:

– Чего не заводится?

– Ничего не заводится, – буркнул казак.

– Ну так пойдем посмотрим. Открывай драндулет.

Драндулет открыли. Воловик прикрывал Верховцева и Кайсанбека Алановича, занятых беседой, Бандеролька с Марикой и Игорем караулили склонившихся над двигателем знатоков, Шифр все еще возился с распечатками, в воздухе стоял многоголосый птичий гай, а Костя... Бандеролька встрепенулась:

– А где малой?!

Все одновременно встрепенулись, и выяснилось сразу несколько занимательных фактов: двигатель не заводился, потому что «искры не было», и получить ее не удавалось. «Волга» тоже отказывалась заводиться; у Игоря и Шифра разболелась голова; Воловик чувствовал себя пьяным, хотя сроду не пил, и потому верить в этом ему было нельзя; куда подевался Костя, никто не знал.

Бандеролька, несмотря на злость – могли бы за пацаненком и последить! – чувствовала себя разбитой, больной. Не то, чтобы болела голова, или, там, шатало, как пьяную. Просто сложно ориентироваться, жесты получались чересчур размашистыми или скованными, шаги –

разной длины, и язык тяжело ворочался во рту. Это не было похоже на воздействие мощного мутанта-телепата, скорее, на последствие нокаута или контузии.

– Не нравится мне это, – промямлил Кайсанбек Аланович.

Его смешно перекосило, и держался он на шершавой дороге неуверенно, будто на льду.

– Надо уходить...

И тут все прекратилось. Птицы перестали сталкиваться и начали вести себя самым обычным образом – как перепуганные, но адекватные птицы. Будто волна схлынула. Стена тростника – высокая, метра в два – затрещала, и из зарослей высунулась довольная, нахальная, но немного испуганная предстоящей взбучкой рожица Костика.

– Видали?! – спросил юный листоноша.

– Видали, – Бандеролька отпустила автомат, и он повис на ремне. – А сейчас ты у нас увидишь небо в алмазах! Где был, паршивец?!

– Смотрел, что творится. Вот профессор говорил: психопат-мутант, а это вовсе даже не психопат и не мутант, а здоровая железная каменюка!

– Жалкая ты, Костя, ничтожная личность! – простонал Кайсанбек Аланович. – И с подобным... электоратом мне, коллега Верховцев, приходится работать! Ну какая «железная каменюка»?

– Железная, – Костя шмыгнул носом и стер длинную зеленую соплю рукавом. – Глыбень такая, что тот танк. И вокруг нее всех колба-асит!

– Константин! – Телеграф взялся за ремень. – Ну-ка давай-ка по-русски, тебя вот ученые люди слушают – и ни хера не понимают! Извините. Вырвалось.

– Так я рассказываю. Но лучше покажу. А потом каменюку выключили.

Верховцев и Кайсанбек Аланович переглянулись.

– Надо идти и смотреть, – вздохнула Бандеролька. – Воловик, Шифр, Марика, Игорь! Остаетесь здесь. Охраняйте машину. Веди уж, Иван Сусанин.

Костя буркнул «и вовсе я не Иван, и сами вы с усами!», а потом пошуршал в тростники.

* * *

Продираться через заросли тростника – сочного, жесткого, толстого – то еще удовольствие. Без Зиняка с мачете делать это было трудно, так что отряд проявлял потрясающее единодушие – костерил Костю. Растения стояли близко, частоколом, и под ногами то и дело оказывались лужи и целые протоки со стоячей черной водой, над которой столбиками вилась мошкара. Птицы, видно, не оправившиеся после коллективного помешательства, безмолвствовали.

Дорогу Костя находил по собственным следам, остальным пришлось довериться мальчишке – на расстоянии вытянутой руки ничего, кроме шуршащей стены, видно не было. Костя пыхтел, сопел и комментировал:

– Да тут недалеко, тут идти всего ничего, ща увидите, увидите – офигеете. Натуральная железная каменюка.

Они вышли на край озера, покрытого зеленым ковром ряски, в разрывах которого виднелась черная торфяная вода. Пахло перегноем, сыростью и чем-то непонятным, резким, вроде озона. Посреди озера выпирала та самая «натуральная железная каменюка». По-другому зеленую, округлую, будто оплавленную глыбу охарактеризовать не получалось. У Бандерольки волосы встали дыбом – не от ужаса, а сами собой.

– Надо же, – удивился Кайсанбек Аланович, – какое сильное статическое электричество. Коллега, что бы это могло быть?

– Понятия не имею, – Верховцев поправил повязку, – я ни разу не забредал в заросли, да и машина раньше не глохла. Похоже на метеорит.

– Но не метеорит! Разве вы не знаете, что камни, падающие с неба...

– Погодите-ка, уважаемые, – Телеграф раздвинул ученых и по колено влез в воду. – Никакая это не каменюка. Это же прибор. Просто немного, кхм, пострадавший. Разве вы не видите?

Все-таки многое зависит от установок. И Бандеролька, и остальные собирались увидеть в тростниках странный валун, и только после слов Телеграфа стало понятно: это и правда прибор. Капсула, сброшенная или вывезенная сюда в давние времена. Капсула формой напоминала яйцо, снесенное металлической птицей, и была покрыта толстым слоем прелых листьев, ила, грязи и помета. Поэтому, наверное, никто сразу и не сообразил, что перед ними.

– Та-ак, – протянул Кайсанбек Аланович, – так-так-так... увы, с нами нет достойнейшего Уткина. Этот безумный изобретатель сообразил бы, что к чему, я же не силен... а вы, коллега?

– Увы, – Верховцев развел руками, – техника предков.

– Да что вы тут, – Телеграф плюнул на ладони и энергично их потер, – рефлексируете! Разберемся! Значит, для начала надо это оттуда вынуть, а потом уже – думать, как оно включается. Оно ж не постоянно работает, а периодически. Будем надеяться, времени хватит. А и не хватит – не помрем: тошно, но не смертельно.

– А как вытаскивать? – подпрыгнул Костя. – Выкатить?

– Эх, малой... Думаешь, нам сил хватит? Трос надо и машиной тянуть. Пригоним «Ниву», прицепим веревку и вытащим на ровное место.

Сказать оказалось значительно проще, чем сделать. Через сорок минут все – и листоноши, и севастопольцы, и команда Верховцева – извозились в грязи и промокли. В черной воде, как оказалось, водились пиявки – жирные, лоснящиеся, и очень шустрые – стоило нечаянно опустить в озерцо незащищенную конечность, и несколько кровососущих тварей вцеплялись в нее. Оказалось, что Марика боится их до истерики и обморока. Ее и, на всякий случай, Бандерольку, изгнали на берег.

Кроме того, дно было илистое, засасывало, и приходилось к капсуле подплывать, что тоже представлялось не самым простым: водяные растения цеплялись за руки и за ноги.

И тем не менее, удалось кое-как обмотать капсулу веревками и прикрепить тросом к «Ниве». Телеграф вскочил за руль и газанул. Трос натянулся. Веревки затрещали. Ил жадно хлопнул, комары взвились в воздух зудящей тучей, захрустел тростник, завоняло болотом, взвыл двигатель, из-под колес брызнула грязь... и капсула поддалась.

– Круглое – тащить, квадратное – катать, – прокомментировал ее неторопливое продвижение Воловик. – А главный вопрос: вот на хрена козе баян? Может, она радиоактивная!

– Счетчик показывает, что не больше, чем все остальное, – заметил мечтательный Игорь, ненадолго спустившись на грешную землю. – А в хозяйстве все пригодится, особенно – оружие предков.

– Так мы не знаем, оружие это или нет, – парировал матрос.

Одному Косте происходящее доставляло удовольствие – он подбегал к веревкам, лез в воду, что-то поправлял, и глаза его хитро блестели.

Наконец, капсулу выволокли на берег, Телеграф заглушил мотор и отправился осматривать добычу. Все еще бледная Марика топталась в сторонке и оттуда попросила:

– Посмотрите, пиявок на ней не осталось? Фобия, ну что поделаешь...

– Сейчас посмотрим, – пообещал Телеграф, – сейчас все проверим. Ух ты ж моя маленькая, ух ты ж моя сладенькая, расскажи дяде, как ты работаешь. Ты моя железненькая, ты моя толстая...

– А это точно не бомба? – засомневалась Марика.

Бандерольке ее метания были понятны, но на помощь пришел Кайсанбек Аланович:

– Что вы, барышня, бомбы выглядят совершенно иначе. Постойте, уважаемый Телеграф, что вы делаете?!

Телеграф подбирался к капсуле с молотком и зубилом.

– Должна же она как-то открываться.

Первый раз в жизни Бандеролька видела ошарашенного и даже напуганного Кайсанбека Алановича. Отряд шарахнулся врассыпную и залег в тростниках, боязливо оттуда высовываясь. Телеграф, помогая себе крепким словом, забрался на капсулу, оседлал ее, счистил грязь и, примерившись, долбанул по зубилу. Раздался металлический лязг. Бандеролька втянула голову в плечи и зажмурилась, но ничего не произошло: взрыва не было, только Телеграф бубнил под нос «открывайся, железяка, не переть же тебя целиком».

– А зачем вы хотите ее расколупать? – крикнул Верховцев.

– Чтобы достать то, что в ней спрятано! Оружие предков! Супер-пушка! Или еще что. А если не разобрать, оно по нам долбануть может в любой момент. Кнопка-то на поверхности никаких.

– Бросили бы и дальше поехали, оно тут столько лет лежало – и дальше лежало бы, – пробурчала Бандеролька. – Все бы мальчикам игрушки...

Но Телеграфа было уже не остановить. Он вошел в исследовательский раж. Вскоре остальным надоело прятаться по кустам, и к обсуждению «как бы ее открыть» присоединились все мужчины отряда. Бандеролька и Марика оставались в стороне – наблюдали и переживали. Потом решили приготовить перекус из сушеной рыбы и крупы, развели костер, котелок поставили... Бандеролька смирилась с тем, что отсюда до следующего дня не уедет, придется комаров кормить.

– Агаааааа! – заорал Телеграф так, что Бандеролька чуть не упала. – Ага! Вот, вот он, шов, а вы, профессор, были неправы! Ну-с...

Лязгнуло. Бумкнуло. Бандеролька обернулась, почувствовав, что волосы на голове встали дыбом.

Капсула развалилась на две части, как огромный железный грецкий орех. Телеграф не удержался и свалился вниз, сопроводив падение нелестным высказыванием в адрес гравитации. Мужчины отпрыгнули. Скорлупки покачнулись и замерли. Телеграф, держась за поясницу, подковылял к ним и заглянул внутрь:

– Вот! Так я и знал! Большая магнитно-резонансная пушка!

* * *

Отмыться не было никакой возможности, грязь трескалась на коже и отваливалась кусками. Донельзя довольные листоноши упаковали оружие в багажник, завернув в ветхое покрывало. Агрегат, обозванный Телеграфом «магнитно-резонансной пушкой», пушку не напоминал нигде и никак. Была это коробка с таймером (установленным на двадцать минут через каждые 36 часов), рычажками включения и выключения да присобаченной сверху катушкой проволоки, намотанной непонятно на что.

– Магнит, – веско заметил Кайсанбек Аланович. – Значит, и правда, магнитные волны. Интересно, интересно. Однако полевые испытания проводить не будем.

Штуковина была здоровенная, метр на метр, и тяжелая. Зачем ее с собой тащить, Бандеролька так и не поняла. К счастью, путешествие больше не откладывали – наскоро пообедали и прежним порядком двинулись в путь.

Пейзаж все так же не радовал разнообразием: тростники, озера, изредка – заброшенные, разрушенные домики. До самого заката – степного, огненно-красного, зловещего – ничего не происходило. А на закате они дотелепались до Мелитополя.

Городок был основательно разрушен – не в результате войны, а по причине геологических изменений, превративших Крым в остров. Естественно, прибрежную полосу и некоторые города на материке это затронуло. Тряхнуло так, что от панельных домов остались груды

мусора, а рельсы на железной дороге выгнуло дугой. Отсюда ушли все, даже животные. Делать в Мелитополе было нечего. Путники с трудом отыскивали место для ночевки – как раз в заброшенном здании вокзала, от которого остались только стены с выбитыми стеклами – крыша рухнула.

Пока готовили ужин и ели, молчали. Не потому, что начало путешествия вымотало – просто каждый думал о своем и прикидывал, сколько всего предстоит. Для листонош это была, в общем-то, первая вылазка так далеко на материк.

Бандеролька определила очередность дежурств и заползла в спальный мешок. Закрылась с головой. Раньше она любила походы – в первую очередь потому, что за спиной всегда оставался крепкий тыл, оставалась Цитадель Листонош.

Теперь же тыла не было, дома не было. Позади – как и впереди – неизвестность.

С этой мыслью Бандеролька уснула.

Посреди ночи ее разбудил странный звук: кто-то наигрывал на губной гармошке, тихо-тихо, на самом краю слышимости. Бандеролька встрепенулась, вылезла из спального мешка. Все было тихо, у теплящегося костра бдил казак Влад. Остальные спали. Звук точно доносился из города, в котором, вроде, не осталось живых.

Влад заметил движение:

– Что случилось?

– Ты слышишь губную гармошку?

– Нет.

– Значит, со сна показалось, – соврала Бандеролька.

Она была уверена как в том, что звук ей не приснился, так и в том, что он значим, и, возможно, предназначается только ей, раз уж другим не дано его слышать...

* * *

От Мелитополя до Запорожья – всего сто двадцать километров, меньше, чем от Острога до Мелитополя. Однако к этому отрезку пути готовились тщательно, гораздо тщательнее, чем к предыдущему: чем дальше на север, тем сильнее будет фонить, тем меньше известно о племенах и животных, об общественном строе и грозящих опасностях.

«Город молодости и смеха». Само название, конечно, внушало энтузиазм, но Бандеролька не могла отделаться от навязчивого видения: широкие улицы заполнены хохочущей молодежью. Стоило представить эту картинку – и становилось, мягко говоря, жутковато.

Выехали рано утром, сосредоточенные и готовые ко всему. По прикидкам, путь не должен был занять больше четырех часов, а что такое четыре часа в хорошей компании? – ерунда!

Но неприятности начались уже через час.

Шоссе тянулось через степь, и все просматривалось, как на ладони – засаду устроить негде. Свечками протыкали синее небо пирамидальные тополя, колосились какие-то злаковые, белели остатки построек. Автомобили шли бодро, солнце припекало, и Бандеролька натянула зеленую шляпку с подогнутыми полями, пропустив резинку под подбородком, чтобы ветром не сдувало.

Тут что-то привлекло внимание Воловика.

– Справа движение! – заорал он скорее удивленно, чем взволнованно. – Какая-то ерунда!

– Контроль! – подтвердил Телеграф, но скорость не снизил.

Бандерольке стало любопытно, и она, несмотря на инструкции, посмотрела вправо. По степи неслись лошади. Не восьминогие скакуны листонош, а обычные кони. Гривы их развевались, рыжие и черные бока блестели на солнце, галоп был прекрасен и грациозен. Бандеролька залюбовалась, и только спустя несколько секунд соотнесла видимые детали и расстояние.

И тут же потеряла дар речи. Табун скакал по диагонали, наперерез автомобилям, и выходило по самым скромным прикидкам, что кони те – раза в четыре больше обычных. Выкормились на сочной траве...

– Ходу! – скомандовала Бандеролька. – Газу!

Телеграф два раза нажал на гудок: это был сигнал для автомобиля Верховцева.

– Удивительно! – Кайсанбек Аланович протер очки и вернул их на нос. – Они огромны!

Конечно, травоядные кони не представляют для нас опасности...

Табун приблизился.

С этого расстояния Бандеролька видела морды в клочьях пены и безумные красные глаза. В вегетарианство этих лошадок совершенно не верилось.

От топота копыт содрогалась земля – ощутимо, даже сквозь вибрацию автомобиля. Телеграф снова прибавил скорость, но из перестроенного двигателя не удавалось выжать слишком много. Бегущий впереди табуна жеребец – вороной, с роскошной блестящей шерстью – вдруг вскинул голову и заржал. Остальные животные, послушные воле жока, повернули, не сбавляя скорости, и выскочили на дорогу, отрезая автомобили друг от друга. Перекрывая путь как вперед, так и к отступлению. Телеграф ударил по тормозам столь резко, что Бандерольку швырнуло вперед, на пассажирское кресло, а мелкий Костя вылетел на рычаг переключения скоростей и хорошо, что водитель, изогнувшись, успел его подхватить. Взметнувшаяся пыль не давала Бандерольке рассмотреть, что творится вокруг, но кони хрипели и фыркали, и нос закладывало от их духа – звериного, мускусного.

Листоноши любят животных.

Собственно, восьминогие кони-мутанты, верные спутники и практически члены клана – крайнее проявление этой любви. Уходя из Цитадели, погибших коней оплакивали, как погибших товарищей. Ни одного не осталось, хотя, может, и бродят сейчас по крымским степям неприкаянные восьминогие жеребята, испугавшиеся стрельбы и взрывов...

Именно поэтому Бандеролька, хотя все ее инстинкты вопили: гигантские лошади опасны! – не испугалась и не могла поверить собственным чувствам. Конь – друг и соратник в бою и на выезде. Он надежнее автомобиля и, в отличие от человека, никогда не предаст. Ждать от лошадей плохого?!

Реальность внесла коррективы в сбивчивые не размышления даже – чувства Бандерольки.

Прямо над ее макушкой клацнула зубами лошадиная морда. Зубы, насколько успела рассмотреть Бандеролька, уже выпрыгивающая из машины, были острые и, кажется, в три ряда. Листоноша сгруппировалась и покатила по растрескавшемуся, покрытому пылью асфальту. Перед ее лицом переступали ноги, заканчивающиеся не копытами, а острыми когтями.

Автомат она не выронила – сказались годы выучки и рефлексy, вбитые на подкорку. Бандеролька вскочила и кинулась на обочину – туда, где, кажется, было посветлее и меньше топталось странных коней, решивших полакомиться человечинкой.

Она не могла разобрать, все ли выскочили из машин, но криков слышно не было – только алчное фырганье.

Ни куста, ни холма – спрятаться негде. Бандеролька упала в густую, жесткую, выгоревшую траву и заняла позицию для стрельбы из положения «лежа» – ноги прижаты друг к другу, локти – к бокам. Ответный огонь со стороны лошадей, конечно, ей не угрожал, но в таких ситуациях Бандеролька доверяла только выучке, привычным, вдолбленным намертво движениям.

Она не могла начать стрелять – не видела людей, а одно из основных правил – не открывай огонь, пока не убедился, что за целью нет того, кого поразить не хочется. Вполне возможно, в пыли, за конями мечутся друзья и соратники. Бандеролька скрипнула зубами.

Как бы поступил на ее месте Пошта? Отлеживался бы, надеясь, что его не заметят, переживая опасность? Ждал и нервничал, мучился неизвестностью, страхом за судьбу спутников? А если бы там, в машине, оставалась Бандеролька?

Он бы вступил в бой. Кинулся туда, разогнал хищных тварей, обманом увел куда-нибудь...

Ни секунды бы не раздумывал.

Бандеролька не была трусихой. Ей доводилось рисковать жизнью и смотреть опасности в лицо. И она переживала за Кайсанбека Алановича, Телеграфа, мелкого Костю... Меньше переживала за Воловика – в звериной ловкости и истинной доблести матроса успела уже убедиться, этот не пропадет. И казак Влад не пропадет. А вот Верховцев? Марика? Игорь, наконец? Их Бандеролька в бою еще не видела и не представляла, на что они способны.

Главное – не слышно ни выстрелов, ни голосов. Возможно, все так же притаились и выжидают.

Бандеролька попробовала подняться и кинуться вперед, навстречу друзьям и опасностям, – но тело не слушалось. Она скрипнула зубами от отчаяния. Что за внезапный приступ страха, да еще столь сильного, до паралича?!

Нужно сделать хоть что-нибудь, а то невозможно потом будет на себя в зеркало смотреть. И невозможной станет память о Поште – он бы не простил, а если бы простил – тем стыднее.

Бандеролька крепко зажмурилась и напрягла все мышцы и всю силу воли в попытке встать.

Тщетно.

От обиды и злости слезы полились из глаз. Бандеролька хотела вытереть их – и снова не смогла пошевелить рукой.

Внезапная догадка заставила листоношу покрыться холодным потом. Паралич не был следствием испуга, по крайней мере, не прямым следствием. Бандеролька просто не могла шевельнуться. Кажется, более-менее работали пальцы, но руки выше запястий и ноги от лодыжек оставались холодными и будто чужими.

Вряд ли она повредила спину, когда выпрыгивала из машины – тогда не успела бы добраться сюда...

Пазл сошелся. Голосов и выстрелов не слышно. Это может значить только одно – все остальные, как и сама Бандеролька, находятся под воздействием лошадей. Это воля животных не дает двинуться с места. Неподвижных удобнее жрать.

Бандеролька попыталась крикнуть – и не смогла.

Значит, ее догадка верна. Слезы высохли. Сейчас главное – не дать отчаянию завладеть собой. Что бы сделал Пошта? Пошта бы что-нибудь придумал. «Думай, голова, думай, – приговаривала про себя Бандеролька. – Пусть они хоть десять раз телепаты, пусть “в голову торкает” – они всего лишь звери, а значит, глупее листоноши и даже обычного человека. Они не ждут нападения и расслабились. Решают, наверное, кто вкуснее – умный Кайсанбек Аланович или молоденький Костя?»

В табуне, это видно сейчас, когда пыль улеглась, десять особей. Они действительно огромные – не меньше четырех, а то и пяти метров в холке, выше любого человека... «Стоп. Это – правильная мысль, – поняла Бандеролька. Если они выше любого человека, стреляя в голову, можно не бояться попасть в своих. Расстояние маленькое, бошки у тварей большие – не промахнешься. Позиция нормальная. Пальцы работают. Перенести линию огня, конечно, не получится, но достать вон тех двоих, значит, на одну пятаю уменьшить количество противников и обнаружить себя. С другой стороны, это – шанс донести до друзей: вы можете стрелять. И мизерная возможность коней спугнуть. Вдруг они опасаются резких и громких звуков?»

На помощь в необитаемой степи рассчитывать не приходилось.

Бандеролька старательно, как на учениях, прицелилась, совместила мушку и целик с мишенью – ближайшей мордой. Это был, кажется, вожак – вороной, злобный даже на вид.

«Палец на спусковом крючке, и это хорошо. Нажать. Медленно, на протяжном выдохе, серединкой крайней фаланги. Нежно-нежно, будто ямочку на щеке ребенка гладишь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.